

Дарья Вознесенская

АКАДЕМИЯ ИЛЛЮЗИЙ

16+

Любовь
на гранях

Дарья Вознесенская

Академия Иллюзий.

Любовь на гранях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67687064

SelfPub; 2022

Аннотация

Моих родителей обвинили в государственной измене, мои «друзья» отвернулись от меня, а жених – расторг помолвку. В один день из наследницы великого рода и самой популярной студентки Академии Иллюзий я превратилась в отверженную. Но моя сила все еще со мной, решимость разобраться в происходящем заставляет двигаться вперед, а человек, которого я презирала и всячески высмеивала, протягивает руку помощи... Вот только не придется ли мне заплатить за эту помощь слишком дорого?

Содержание

1	5
2	15
3	23
4	32
5	38
6	46
7	53
8	64
9	76
10	86
11	94
12	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Дарья Вознесенская
Академия Иллюзий.
Любовь на гранях

На следующий день после того как моих родителей бросили в королевскую темницу, я, практически, умерла.

Это был обычный холодный день. Такой, когда морозный узор на окнах не дает рассмотреть большую площадь между общежитием и главным зданием академии, а погасший к утру камин ускоряет процесс одевания почти до боевого уровня.

В тот день я проснулась и нехотя вылезла из-под толстого пухового одеяла. Вздрогнула, коснувшись ногами каменного пола и, вспоминая поименно всех тварей завесы, натянула на себя сначала чулки, нательную рубашку и панталоны, а после – укороченный камзол и клетчатую плотную юбку.

И только потом перевела дух и отправилась умываться.

Собственная ванная комната была лишь в некоторых студенческих комнатах, но именно такая – естественно – досталась мне.

Девятый оборот приближал наш мир к Дню Нового года, когда природа встряхивается после зимней спячки и расцветает, радуя запахами и солнечным теплом. Но до этого было еще не меньше четырех декад, потому вода в кране оставалась ледяной, а необходимость натягивать на себя еще и громоздкий плащ, пусть и подбитый натуральным мехом, при-

водила в уныние.

Завеса заberi тех шутников, что придумали, что студентам нужно суровое воспитание и окружение!

Как будто кто-то из благородных будет и дальше так жить...

Зимой меня доставал холод, весной – необходимость самостоятельно отскребать грязь с ботинок и формы после занятий, летом было не открыть окна из-за мошек, а осенью полагалось «укреплять нервы», старательно не обращая внимания на вопли тароки, порхающих с ветки на ветку.

При этом использовать хоть какие средства защиты или заклинания было нельзя!

«Осколки – драгоценный дар и вам не следует разменивать их на бытовые нужды» – вот что любили повторять нам магистры.

Ну хорошо, но почему при этом запрещено покупать готовые артефакты, в которые нуждающиеся слабые маги вкладывали свою силу, чтобы хоть немного заработать? Что именно воспитывал во мне тот факт, что я постоянно мерзну? Ведь то, что меня называют за глаза «Снежная Королева» – на самом деле это прозвище мне нравилось, но я бы никогда не призналась в этом – не делало морозоустойчивей.

Я умылась, тщательно расчесала густые волосы, которыми по праву гордилась, и внимательно всмотрелась в зеркало, выискивая возможные недостатки.

Их не было.

Не зря мою маму в свое время считали первой красавицей королевства Одивелар.

Прозрачно-голубые глаза, тонкие черты лица и пухлые губы. Мне даже не нужно было подкрашивать щеки и брови, как Луисе – Эрике, что, несомненно, не могло не поднимать настроение.

Я надела удобные кожаные сапожки, укуталась в плащ и грациозно – насколько это вообще было возможно на обледеневших дорожках – пошла через площадь в сторону Академии.

Студентов на улице почти не наблюдалось. Большинство предпочитало проспать и нестись сломя голову, чтобы сожрать, как животные, кусок булки – и все равно опоздать на первую лекцию. Но дочь королевского советника никогда бы не позволила вести себя как простолюдинка.

– Каталина, дорогая!

Лучезарно – надеюсь – улыбнулась своему жениху, позволила обнять за плечи и поцеловать в щеку. Рядом завистливо вздохнуло несколько первокурсниц.

Еще бы.

Хайме-Андрес де Каstellо-Мельхор – он предпочитал, чтобы его называли полным именем, и только мне позволял короткое «Андре» – был старшекурсником, одним из самых родовитых студентов академии, на редкость сильным магом и... настоящим красавчиком.

Я сама себе завидовала, когда ловила наше отражение в

одной из зеркальных поверхностей.

Вместе мы смотрелись... идеально.

– Что желает моя королева? – он подвел меня к столику, помог снять плащ и широким жестом указал в сторону раздачи.

Это была наша традиция.

Обычно студенты ели своими пятерками – как и учились, и отрабатывали задания. Но когда мы со старшим сыном семьи Кастелло-Мельхор начали встречаться, то решили, что обычность нам не к лицу.

И придумали завтракать вдвоем. Это было против общепринятых правил... но никто не посмел возразить. А малолетние дурочки еще и считали это ужасно романтичным. Как и тот факт, что жених сам приносил мне еду.

Впрочем, я тоже считала это романтичным.

– Травяной взвар, булочки, сыр и масло, – я улыбнулась Андре, а он нежно поцеловал мое запястье, перед тем как отправиться за подносами.

Я задумчиво смотрела ему вслед, любясь ладной фигурой и уверенными шагами, но мое любование было прервано громким многоголым хохотом.

Повернулась и недовольно поморщилась. Ну еще бы. Даниель до Вальдерей и его компания.

Он учился на одном курсе с моим женихом, но до Хайме-Андреса ему было как до солнца – никогда не добрать. И он олицетворял собой все, что я так презирала в окру-

жающих. Был слишком громким, развязным, слишком лохматым, слишком... всё. Его родители чем-то там отличились возле завесы – вряд ли чем-то существенным – и за это получили аристократическую приставку первого поколения. Но это не делало его... благородней.

– Хмуришься? – мой жених мягко улыбнулся и поставил поднос с завтраком на стол.

Я вздохнула:

– Утомляет необходимость учиться рядом... со всеми этими людьми.

Я неопределенно показала ему за спину, и парень понял. Скривился и с каким-то остервенением схватился за прибор:

– Ты не представляешь, насколько утомляет меня.

При всей своей обезбашенности придурок Вальдерей был сильным магом и учеником – а значит его рейтинг постоянно рос. И, фактически, в этом году они соперничали с Андре за звание лучшего четверокурсника.

– Не волнуйся, милый, ему тебя не опередить...

Мы обменивались ничего не значащими репликами и завтракали, пока столовая наполнялась студентами.

Андрес проводил меня до нужной аудитории, коротко прижался губами к виску – его прикосновения стали частью нашего общения и нравились мне... как и то, что большего он себе не позволял – а затем отправился на свою лекцию.

Мне же пришлось пройти мимо «пятерки цветочков» –

как мы их называли за чрезмерную приверженность к самоукрашательству и постоянным попыткам заполучить женихов вместо того, чтобы учиться — под предводительством Луисы-Эрики да Кадавал. Противной блондиночки, которая вечно соперничала со мной, будто у нее был хоть малейший шанс обойти меня что в плане внешности, рейтинга или личной жизни.

И это её бесило — но она продолжала с завидным упорством пытаться испортить мне жизнь.

— Катали-ина... — пропела она сладким голосом.

— Луи-иса... — ответила не менее сладко, зная, что она терпеть не может своего первого имени.

В семьях высшего света было принято называть детей по именам самых достойных представителей, отличившихся заслугами перед королями прошлого. Моим родителям пришлось помучиться, выбирая не менее чем из десяти родственников.

У Луисы-Эрики нашлась всего одна прабабка... так что первое имя ей дали в честь мамы, невзрачной и довольно визгливой женщины, родившей своему мужу четырех дочерей подряд.

А уж возможности удвоить свою фамилию у них не будет — не в ближайшие сто лет.

— Готова к уроку?

Я удивленно вскинула бровь. Серьезно? Она решила обсудить со мной учебу? Их пятерка была самой слабой в кри-

сталлографии и в бою, и было очень странно услышать от нее такой вопрос именно сейчас, перед основным занятием.

– Я всегда готова, – пожала плечами и уж было отправилась дальше, как услышала.

– Ну конечно, что тебе еще остается...

– Прости? – резко повернулась к ней и сделала шаг. Я не отличалась вспыльчивостью, но никому не позволяла двусмысленностей и недомолвок в мою сторону. – Может пояснишь, что хотела сказать?

– Мне бы не хотелось портить настроение такой замечательной девушке, – пропела да Кадавал, но по её глазам было видно – все ей хочется. Испортить. И не только настроение.

Я молчала и буравила её взглядом. И тогда блондиночка с преувеличенно грустным вздохом заявила:

– Ты так погружена в учебу... и не остается времени на личную жизнь.

– Не трать мое время, Луиса, – сказала почти угрожающе и сузила глаза. Конечно, в академии было запрещено использовать вредящие заклинания – вне поединков – но умные студенты знали лазейки.

Я – знала.

Бледное лицо дряни, которая решилась таки на открытый конфликт со мной – по другому я это не воспринимала – побледнело еще больше, но она не отступила:

– Просто в следующий раз, когда ты снова сядешь за учебники, обрати внимание, куда отправился твой жених.

– Чушь, – я плюнула это ей в лицо. Жаль, что только слова – все-таки я была хорошо воспитана. – И даже не собираюсь доказывать это – ты не стоишь того.

Резко развернулась и пошла к своему месту, надев на лицо непроницаемую маску.

Неужели она намекает, что Андре...

– Что сказала тебе да Кадавал? – обеспокоено спросил Алвейс, мой друг и ближайший в нашей сцепке. – Ты выглядишь напряженной...

– Ничего, – невидяще уставившись в сторону магистерского стола.

Ох, ну почему меня так вывело из себя высказывание пустоголовой идиотки?

Это просто зависть, и девица только и ждет, чтобы уколоть меня посильней – а значит готова придумать какую угодно ложь, лишь бы я почувствовала дискомфорт. Или совершила ошибку на занятии.

Не собираюсь поддаваться!

Я сделала глубокий вдох-выдох и встала, приветствуя магистра да Валонгу, нашего преподавателя. Высокого, статного мужчину с проседью в темных волосах, с довольно острыми чертами лица, цепким взглядом и крупными губами.

Он был одним из самых требовательных и жестких – временами жестоких – магистров, но это не мешало почти всем студентам обожать его. Кристаллография – главнейшая наука в магической академии, при любой специализации, и от

того, как она преподавалась, как умело доносилось знание о Грнях, и зависело мастерство мага.

Да Валонгу умел. Пусть иногда и весьма неоднозначными способами.

Мы открыли тетради – сегодня нам предстояло разобраться с новыми теориями – но не успели записать ни слова, поскольку лекцию прервали.

В аудиторию постучали, а когда магистр недоуменно пригласил войти, мы увидели одного из секретарей ректора.

Странно. В академии серьезно относились к учебе – что студенты, что магистры, не говоря уж об Севаро-Мартин да Фаросе, нашем ректоре, держащем в своих цепких руках все управление.

И лекции прерывали только в исключительных случаях.

Нехорошее предчувствие сковало мне руки и ноги, а в горле запершило горечью. И я не ошиблась в своем предположении...

– Простите, – сказал пожилой мужчина, – но мне надо препроводить студентку да Феррейру-Ильяву к ректору... Это приказ.

– Конечно, – магистр коротко кивнул и посмотрел на меня с некоторой обеспокоенностью.

Я же встала, собрала свои вещи, передав их Алвейсу – еще не хватало таскаться по коридорам с кучей книг, как правило, за меня их носили парни из нашей пятерки – и, ни на кого не глядя, вышла из аудитории. И только в коридоре поз-

волила себе спросить:

– Вы не знаете, почему меня вызвали так неожиданно?

– Простите, но нет, – ответил любезно мужчина.

Я вздохнула, перебирая в голове события последних дней и не найдя никаких причин. Я не нарушала правил академии, не вела себя неподобающе, вообще ничего... Так что же произошло? Ладно, вот приду и все узнаю.

Наверняка ничего страшного... а может и вовсе какой приятный сюрприз.

Заставила себя успокоиться и чинно следовать за мужчиной.

В тот момент я еще не знала, что спустя полчаса мой мир, такой упорядоченный и однозначный, рассыпется на мелкие осколки.

Еще не знала, что вскоре умрет Эва-Каталина да Феррейра-Ильяву, наследница великого рода. А родится растерянная двадцатилетняя студентка Эва Феррейра.

Которая окажется совсем не готова к настоящим реалиям казалась бы хорошо знакомого мира.

К кабинету ректора я подошла с улыбкой. По меньшей мере уголки губ тянулись в стороны в достаточной степени, а руки даже не дрожали...

Поприветствовала второго секретаря, дождалась, когда мне откроют дверь – пусть, с точки зрения академии, секретарь был «главнее» меня, но он оставался мужчиной – и присела в точно вымеренном книксене перед обернувшимся мужчиной, стоявшем у большого окна.

Севаро-Мартин да Фарос был довольно высок, худощав и симпатичен – ну если не обращать внимание на его возраст и на то, что лоб его был испещрен морщинами, а волосы давно уже сделались седыми.

Один из самых сильных магов нашего королевства прихрамывал на одну ногу – всем известно, что от укусов тварей завесы не помогут никакие заклинания – и имел раздражающую привычку постукивать указательным пальцем по горизонтальным поверхностям.

Но его умение управлять довольно разномастной толпой студентов и преподавателей не могло не вызывать восхищения.

– Эва-Каталина... – он вздохнул и вдруг указал рукой куда-то в угол за мою спину. – Позволь представить тебе господина Мору.

Я развернулась и сглотнула, увидев невысокого мужчину в форме дознавателя. Сердце застучало от тревожного ожидания, но я заставила себя снова присесть, склонив голову.

– Господин Мору, – вырвалось хрипло.

– Студентка Феррейра-Ильяву, – он холодно кивнул, буряв меня взглядом, будто надеялся проделать дырку в моей голове. – Я прибыл сюда рассказать вам не самые приятные новости.

Я широко распахнула глаза.

Он же не имеет в виду...

– Сядь, Эва-Каталина, – устало произнес ректор. А я... да что там сесть, я рухнула на предложенный стул, совсем не изящно вцепившись в него, будто надеялась обрести несуществующую опору.

И по мере рассказа вдавливала пальцы все больше.

Не веря, не понимая, не принимая о чем говорит этот чужой человек...

Что мои родители – опора и честь королевства – накануне были арестованы и препровождены в королевскую тюрьму по обвинению в государственной измене и заговоре против короля. Что найдены неоспоримые доказательства их причастности к гнусным деяниям, что расследование, конечно, ведется, много сил брошено, а слуги и близкие в срочном порядке допрашиваются, но...

Их ведомство не может ошибаться.

Уж слишком вопиющий случай и факты, которые они со-

брали.

Я и сама не заметила, как начала отрицательно мотать головой. Какая там сдержанность и манеры, когда мой мир рушился!

– Нет-нет-нет... это не возможно. Бред! Я не верю, – присипела, поворачиваясь к ректору, который смотрел на меня с изрядной долей сочувствия... и еще чем-то, недоступным для моего понимания. – Отец бы никогда... и мама... Наша семья много веков служит королю, среди моих предков были даже королевы. Мы ведь почти родственники, – голос упал до едва слышного шепота.

– Тем ужаснее то, что совершили твои родители. А может и ты...

– Что?! – я вскинулась, уставившись на сосредоточенного дознавателя. Но ректор обошел стол и встал так, чтобы перегородить обзор. А потом и вовсе присел на корточки.

– Успокойся, Эва-Каталина. Это обычная процедура – я уверен, ты ни к чему не причастна. Но все, кто связан с семьей Феррейра-Ильяву, должны пройти допрос с помощью камня правды.

– И вы? – спросила грубовато.

– Я уже прошел.

– А мои родители? Они... ну конечно, камень ведь должен был показать! Вы же проверили и...

Я замолчала.

Потому что вспомнила, насколько маловероятно было в

случае с моим отцом поверить камню и результатам допроса. Ведь советников специально учили избегать воздействия любых ментальных артефактов.

– Они бы не смогли обойти клятву рода королю, – сделала последнюю попытку.

Высказала последнюю надежду.

– Думаете мы не подумали об этом? – снова подал голос дознаватель. – Проблема в том, что не так давно появились сведения, что это стало возможным. Его Величество был очень огорчен.

Огорчен.

У меня вырвался истерический смешок.

– Спрашивайте, – сказала я глухо и протянула руку ладонью вверх. Еще ни разу в нее не попадал камень правды, который, конечно, не давал стопроцентной гарантии, но использовался в качестве дополнительного подтверждения – или опровержения – предположений дознавателей.

Которые могли – по слухам – видеть грани мыслей также, как я видела грани в пространстве.

– Поскольку Эва-Каталина несовершеннолетняя, я буду присутствовать при допросе, – сообщил ректор.

– Конечно, – насмешливый голос и... мою руку обожгло, а я закрыла глаза, чтобы скрыть выступившие слезы.

Дальнейшее запомнила плохо.

Воздействие дознавателя, его вопросов и обрушившихся на меня новостей сделало мой разум затуманенным, а сердце

– болящим.

Сколько это продолжалось?

Ровно до тех пор, пока господин Мору не взял осторожно у меня с ладони ставший серым булыжник и не произнес вроде бы немного потеплевшим голосом:

– Могу предположить, что ты не причастна.

Встряхнула головой, а потом подалась вперед, частя от волнения:

– Я должна увидеть родителей. Мне же положены посещения? Возможность поговорить? Должна же я понять, что происходит. И когда назначили суд? Над ними будет суд? Конечно, все разрешится еще раньше, но...

– Боюсь, что это не так просто, – поморщился дознаватель, – Пока расследование продолжается, мы не можем позволить никаких встреч, а что касается суда...

Он замолчал, и я повернулась к ректору, надеясь что тот пояснит:

– Такие дела решаются лично Его Величеством, – вздохнул тот, – Но я тоже верю, что это какое-то недоразумение и во всем разберутся.

Он замолчал, а я прикусила губу до крови.

Уверенным Севаро-Мартин да Фарос не выглядел. Что касается Его Величества... вряд ли мне стоило допускать такие высказывания даже в мыслях, но я всегда считала нашего короля чрезмерно жестоким и... пугающим. Безусловно, этого требовало само королевство – весьма обширное и при-

влекательное для агрессоров и тварей завесы.

Но лучше бы был суд.

– В любом случае я не могу здесь оставаться и делать вид что ничего не происходит, – сказала глухо, – Я должна вернуться в столицу, в свой дом.

– Нет, – на непроницаемом лице дознавателя я больше не видела сочувствия, – В доме идут тщательные обыски. Во всех домах вашего рода – и загородных тоже. И присутствие посторонних...

– Тогда постоянный двор! Что угодно! – я вскочила, чувствуя зарождающуюся истерику.

– Я не могу позволить, – вмешался ректор. – Я отвечаю за своих студентов так же, как любой опекун, а тебе всего двадцать.

– Мне осталось всего полгода до совершеннолетия, – прошипела. – И не думаю, что у меня прибавится за это время мозгов или ответственности.

– Тем не менее господин ректор прав – из академии вам пока не стоит выходить, – припечатал Моро.

И тут меня осенило. Как же я сразу не подумала? Мой брат! Наследник нашего рода, мой обожаемый старший брат!

– Питер-Дамиен может выступить моим опекуном! Когда вы его вызовете и проверите, то убедитесь, что он ни при чем – и мы вместе разберемся... – я почти захлопала в ладоши, но, заметив, как переглянулись мужчины, замолчала.

И поняла что меня ждет еще одна отвратительная новость.

— Эва-Каталина... — снова ректор. — Два дня назад из Анг-ра-ди-Эроима пришло сообщение, что Питер исчез.

— К-как исчез? В-вы смеетесь? Маг не может просто так исчезнуть — при должных усилиях его всегда можно найти по граням! Если только он не...

Голос пресекся, когда я осознала, что значит их тяжелое молчание: маг может исчезнуть и из граней, если умирает или попадает за завесу. Что, собственно, одно и то же.

Сжала руками голову и всхлипнула. И снова. Слезы лились не переставая, не принося облегчения, а только отравляя кровь и все вокруг...

Я пошатнулась, но устояла и сжала кулаки. А потом вытерла рукавом мокрое лицо — все лучше, чем ничего не видеть — и твердо посмотрела на двух мужчин.

— Мой брат найдется, — сказала холодно, — потому что он жив. И никуда не пропал, просто так... вышло. И за то, что моих родителей посадили в темницу наш род еще услышит извинения. А теперь позвольте мне уйти, — на последнем слове голос снова сорвался, но я не позволила себе снова скатиться в истерику.

Ректор со вздохом кивнул, и я, держа спину прямо, заставила себя шагнуть прочь из его кабинета. И, не сворачивая ни в какие аудитории, дошла до выхода из здания.

На площади было пусто — я не знала, сколько было времени, даже желая поднять голову и посмотреть на башенные

часы не было, но, наверняка, занятия еще шли вовсю.

Плевать.

На площади было холодно – но отсутствие плаща впервые не заставило мерзнуть.

На душе было погано. Сердце дробилось и падало... чтобы снова воскреснуть и забиться в зависимости от того, какая мысль была в моей голове главенствующей.

Я поднялась наверх, в свою комнату, заперла за собой дверь, а потом, не раздеваясь и даже не разуваясь, забралась на кровать и укуталась в покрывало. И провела так остаток дня, ничком, вздрагивая и цепenea, пока мои мысли металась от полного беспросветного отчаяния до самых диких способов разобраться с этой ситуацией.

Одно то, что я, уже почти в бреду, готова была предложить себя в уплату... давно женатому королю, с чьими дочерьми я находилась в приятельских отношениях, говорило о многом.

Я смогла уснуть далеко за полночь. Насильно убедив, что все будет хорошо – и неразрешимая на вид ситуация вскоре разрешится самым замечательным способом.

Как же я была наивна...

– Каталина.

– Андре, – я выдохнула облегчение вместе с облачком пара.

Неужели и правда боялась, что он не будет сегодня утром ждать меня на крыльце? Глупая.

«Он может пока еще не знать», – шепнуло с внезапно прорезавшейся иронией что-то темное внутри меня, но я подавила неуместную мысль. А потом всмотрелась в своего жениха внимательней и поняла... Знает. И вот эти растрепанные первокурсницы тоже. И те студенты подальше, что делали вид, что стоят здесь просто так.

Да, академия находилась в стороне от столичной жизни, но почти каждый из нас родился в Алмейрине и многие были представлены ко двору. А значит слухи уже распространились.

Как и уверенные пересказы.

Завеса их заberi.

Я гордо задрала подбородок и протянула парню почти не дрожащую руку. Он же привычным жестом обнял меня и открыл дверь.

– Я узнал вчера вечером, что произошло, – шепнул мне на ухо, пока мы шли к столовой, – Ты как?

Что-то царапнуло внутри. Узнал вчера и не пришел ко

мне? Не бросился выяснять, как я себя чувствую и не надо ли мне чего? Наверное, это даже к лучшему: мне было так плохо, что ему не стоило меня видеть в таком состоянии.

– Все хорошо, – отвечаю ровно, – Уверена, что это недо-
разумение, и вскоре все разрешится наилучшим способом.
В моем роду не было предателей – и не появится.

– Конечно, – он улыбнулся с заметным ажиотажем, вот только...

Интересно, Андрес в курсе, насколько хорошо я изучила его за эти два года? И насколько четко понимаю, когда его широкая обаятельная улыбка никак не связана с его настоящими чувствами? Но он хорошо играет на публику. Как и я. Стоит ли обижаться на то, чем я всегда восхищалась?

Мы зашли в столовую, как это делали всегда. Но что-то изменилось. Даже не что-то... многое. Раньше я заходила в любое помещение не обращая внимание на окружающих и занятая своими мыслями. Или разговорами с людьми, которые заслуживали того, чтобы с ними разговаривали. И если кто и реагировал на мое – или наше – появление, то исключительно с осторожным и завистливым любопытством.

Из желания убедиться, что у самой популярной пары академии все прекрасно. Полюбоваться. Или же заприметить модные новшества, которые мы с женихом, совсем чуть-чуть игнорируя устав, приносили в свою форму или внешность.

А сейчас я вдруг почувствовала себя так, будто снова оказалась в южном королевстве Камбра.

Когда мне было десять, мы провели там около полугода, поскольку отец вел переговоры от имени нашего короля. И все эти полгода мы с мамой были объектом самого пристального, изучающего внимания от людей, которые так и ждали, что мы отступимся. Жительницы Камбры – и дворца – были довольно низкорослыми, плотными, с темной кожей и волосами. И две стройные блондинки в чрезмерно открытых с их точки зрения платьях представлялись им экзотическими зверями, которые способны и укусить... и нагадить.

Несколько раз я, помнится, плакала, потому что мои сверстницы обижали меня и насмехались надо мной, когда я пыталась с ними подружиться. И однажды даже выдала маме, что я страшная и глупая, раз никто не хочет со мной общаться. А мама тогда спросила меня:

– Ты и правда так считаешь?

Помню, что вытерла мокрые щеки и, после некоторого размышления, отрицательно помотала головой.

– Это главное, – сказала мама. – То, в чем ты уверена сама. Главное...

Я спокойно прошла за наш стол, заставив себя не замечать голодное и жестокое любопытство и шепотки, привычным жестом сбросила плащ и попросила у парня принести мне кашу и фрукты.

А когда он сел напротив, завела разговор о будущих экзаменах, спрашивая его совета по разным поводам. Не то что мне было что-то не понятно – я уделяла учебе все необходи-

мое внимание и даже больше – но я знала, что Андре очень любит похвастаться своим опытом и знаниями.

Настроение у него поднялось, а улыбка сделалась вполне искренней. Он так увлекся, что почти не отреагировал на приветствие своего приятеля, Фелипе, одного из их пятерки. Тот прошел близко от нашего стола, обнимая за талию двух хохочущих развязных девиц с третьего курса – я не помнила их имена, но довольно часто натыкалась на их неподобающее поведение.

Бр-р.

Поморщилась. А потом и отвернулась в сторону, заметив, как Фелипе хлопнул одну из них – насколько я помнила студентку из благородных – пониже спины. Отвратительно. Неужели кому-то это может нравиться? Конечно, парни в молодости могут вестись на подобную доступность, но...

Я вдруг вспомнила вчерашние слова Луисы-Эрики и внутренне вздрогнула.

А потом посмотрела на своего жениха.

А что если... Нет, конечно нет! Он довольно спокойно отнесся к моему нежеланию переходить на иной уровень отношений до свадьбы и сказал, что готов ждать сколько нужно.

Мы доели и вышли с изрядно повеселевшим Андресом, и он, как обычно, проводил меня до аудитории.

Сегодня «Материальное изменение граней» проходило в небольшой аудитории – группу на это занятие разделили на

две части, чтобы не занижать уровень заданий для сильных пятерок и не завышать для слабых – и я хорошо знала здесь каждого. И настороженно встретила их внимательные взгляды.

Но, кажется, элита нашей академии была более прозорлива, чем прочие. Никто не позволил себе пересудов или вопросов. Я отдавала себе отчет что это лишь потому, что все ждали результатов расследования и хорошо знали историю великих родов. Которых неоднократно то возносили, то низвергали в пыль.

Но даже такое отношение ощущалось для меня... поддержкой.

Потому я искренне улыбнулась своей пятерке и встала рядом с ними, ожидая магистра.

Рафаэль Гонзалвес был молод, безроден, но уверен в себе и хорошо воспитан, потому половина студенток, как мне кажется, была влюблена в этого талантливого преподавателя. Во всяком случае все, кто находился сейчас в аудитории, точно.

Кроме меня.

Я бы никогда не позволила симпатии взять верх над долгом.

А вот Ана-Каролина, вторая девушка из нашей пятерки, подалась вперед. Её обычно невзрачное личико преобразилось, а глаза засверкали, когда симпатичный шатен зашел в аудиторию и громко и весело всех поприветствовал.

– Итак, – потер он ладони, – На теоретическом занятии мы проходили с вами, как уплотнять воздушные грани. А сегодня будем делать это на практике. Довольно не сложное упражнение, как может показаться на первый взгляд, но, во-первых, оно требует навыка «видения» – вы не сможете уплотнить то, чего не увидите. А, во-вторых, только от правильно проработанной основы можно будет отталкиваться, когда вы начнете работать с более сложными структурами и создавать воздушные потоки, скользящие по нужным вам граням. Все запомнили из учебника?

Нестройное «да» было ответом.

Я не испытывала волнения. Подобные упражнения проходили у меня легко – сказывалось количество сил и занятия с детства. К тому же, исключительным даром нашего рода было идеальное «видение»...

Чуть дрогнула, подумав о родителях, но заставила себя сосредоточиться на задании.

Наш мир был пронизан невидимыми кристаллическими структурами. Твердыми, неосязаемыми, энергетическими, психическими... Не-маги не могли видеть их или воздействовать на них, те же, кто обладал хотя бы одним осколком в своей крови, был способен на внутренние и на внешние преобразования.

С усилием и без.

И простейшей частью каждой структуры был пятигранник. Именно поэтому легче всего воздействие давалось пя-

теркам магов, которые – если работали слаженно – как бы встраивались в любой кристалл и влияли на него изнутри.

Наша пятерка была слаженной.

Мы встали в любимом порядке – ближайшими в сцепке со мной были Алвейс и Матеуш – и закрыли глаза. Обычное зрение только мешало, когда надо было видеть...

Я почти сразу различила голубовато поблескивающие воздушные структуры и первая протянула руки, поглаживая и прощупывая грани.

За мной потянулись и остальные – к уплотнению надо было приступить одновременно. Полупрозрачные линии стали насыщенней, а потом и шире – мы вливали в них энергию и слепляли отдельные частицы так, чтобы они обрели почти твердость, способную перенести довольно тяжелые предметы. На последнем курсе мой брат сильно удивил учителей, в одиночку уплотнив всего одну грань, но так, что поднялся сам в воздух...

Талантливый Питер – Дамиен...

Всего на мгновение я отвлеклась от своей работы, и тут же раздался хлопок.

Создаваемая структура лопнула, а нашу пятерку раскидало мощными толчками.

Ох. Я ведь знаю, что нельзя, нельзя думать о посторонних вещах, но...

Встала, стискивая руки и виновато глядя на членов своей команды. Те ответили недовольными лицами... И я их по-

нимала – из-за меня мы не получим сегодня должного количества баллов, а это повлияет на рейтинг всех.

Но магистр был на удивление мягок. Он внимательно посмотрел на меня и вздохнул:

– Давайте еще раз.

И мы снова расположились в нужном порядке.

Больше я не позволяла себе отвлекаться. Ни на это занятие, ни на последующие. День прошел в обычном режиме, а когда наступил вечер...

Я с тоской смотрела как смеющиеся студенты рассаживаются по наемным и собственным экипажам и отправляются домой.

В академии был всего один выходной, в конце декады, и большинство старалось не оставлять долгов по занятиям, а проводить этот день на свободе...

– Каталина, – Андре, спускающийся по крыльцу, затормозил и подошел ко мне. – Погоди-ка, а ты...

– Мне не позволено пока уходить из академии, – сказала сдержанно.

– Ох, – он замер. Обернулся к нескольким студентам, что стояли возле двух экипажей и явно ждали его, а потом снова глянул на меня, – Если хочешь, я останусь здесь с тобой.

– Что ты, – я слабо улыбнулась, – у меня много домашней работы и вообще...

– Ну хорошо, – он даже не пытался меня переубедить. С явным облегчением поцеловал в щеку и сбежал вниз.

Не знаю, чего я ожидала... Я же сама сказала, что мне ничего не нужно? Вот только тот факт, что он садится в карету, что-то оживленно говоря своим приятелям, меня вовсе не обрадовал.

Я вернулась в комнату. Набрала полную ванну воды, потратив довольно много сил, чтобы сделать её очень горячей – ага, пустила «драгоценные осколки» на ерунду. А потом сидела в ней, пока кожа совсем не сморщилась, а слезы, которые я, наконец, могла не сдерживать, не высохли.

На следующее же утро едва ли не в одиночестве позавтракала и направилась в библиотеку.

Раз так сложились обстоятельства, позанимаюсь наперед и, заодно, напишу несколько писем. Сомнительно, конечно, что кто-то даст мне разъяснения, но... наверняка друзья нашей семьи многое знают и помогут в чем-нибудь.

В библиотеке меня и нашел – спустя несколько часов – секретарь ректора.

Молча протянул конверт с королевской гербовой печатью, поклонился и удалился, пока я разворачивала бумагу.

«Этим письмом я уведомляю вас....

Ровный, крупный почерк с малым количеством завитков был мне знаком. Пару раз я видела его в записках в кабинете отца.

...что в связи с преступлениями ваших родителей против Моего Величества, а также подозрением в причастности вашего брата к ним....

Я вчитываюсь в каждую букву – и каждая выжигает клеймо в моей душе.

... род Феррейра-Ильяву удален с золотых листов и теряет свои привилегии,

Сердце выдает слабый стук через раз.

...а все, кто носил прежде славное имя, лишается титулов.

Пальцы дрожат, а душа плачет, пока перед мысленным взором проносятся фамильные портреты.

Всё имущество конфисковано в пользу казны...

Каждый дом, каждый камень и плодородные земли, которыми с такой любовью управляли еще мои предки...

...а ваши родители препровождены в форт Тавиньо до принятия окончательного решения.

Тюрьма на скалистом острове на другом конце королевства, где государственные преступники живут годами в кош-

марных условиях. Но не казнь... Пока не казнь.

Отныне вы не являетесь частью благородного дома...

И не принадлежу больше аристократическому классу.

...и не имеете прав, положенных вам по рождению.

Права на справедливый суд, защиту короля и свадебной церемонии в главном храме столицы. Хотя помогли ли они моим родителям?

Мы надеемся что вы будете благоразумны в своих дальнейших действиях...

Не подниму бунт и не начну задавать лишних вопросов, вовлекая в это дальних родственников и друзей семьи.

...научитесь в достаточной степени управлять магией, чтобы не навредить окружающим, напротив, попробуйте принести хоть какую-то пользу королевству...

Буду вести себя скромно и сдержанно, а после окончания академии работать в далекой провинции в роли... учителя, например.

...и не появитесь во дворце или же столице, беспокоя Нас и отвлекая от важных дел.

Буду сидеть как мышка и не пытаться узнать правду.

А также оцените, насколько я милостив к вам.

Не убил, ага.

Бранко-Эдуард да Мальядо-Бенисио Одивеларский»

Письмо давно выпало у меня из рук. Я же сидела, уставившись в одну точку, раз за разом прогоняя каждую фразу и каждое слово.

Внутренности выжгло магическим огнем, глаза кололо, а дыхание оставалось сбитым.

Как.... как вообще все это могло произойти с моей семьей? Со мной?

Мои родители – часть истории этого королевства. Как и мои предки. С детства я гордилась своим именем и фамилией, своим родом, я слушала вместо притч рассказы о великих деяниях прадедов, я носила драгоценности с многовековой историей, изучала секретные магические приемы, которые придумали мои прабабки.

А тут мне объявили, что я не просто не должна этим гордиться и любить... Я не имею на это прав. И возможностей. Потому что моего рода больше не существует.

По гнусному, лживому стечению обстоятельств.

Я была в этом уверена.

После многих лет изучения хроник про взлеты и низвержения великих, про несправедливых королей, про шаткость положения аристократии, про их подвиги и подлые деяния я понимала, что мой отец вполне мог... предать короля.

Если бы увидел в нем безумие, ведущее наше королевство на погибель. Или еще что...

Но он никогда не предал бы свою семью. Не подставил бы так меня и Питера. И не предал друга – Бранко-Эдуард да Мальядо-Бенисио был в одной с ним пятерке еще со времен академии.

Этой самой.

Папа дважды спасал королю жизнь. А тот однажды спас ему.

И если наш король не поверил своему другу, если он не понял, что Виттор-Жоакин да Феррейра-Ильяву никогда бы не пошел на преступление против него, то он или глупец, или сам встал на путь предательства.

Это больше не мой король.

А значит я не обязана выполнять его указания.

Губы скривила злая усмешка, когда я закрыла глаза и нащупала бумажные грани. А потом щелчком пальцев превратила письмо во множество тонких волокон, которые на мгновение вспорхнули белым облаком и осели на мягкой мебели библиотеки.

Не пытаясь прибрать за собой книги и чернильницу, быстро вернулась в свою комнату и распахнула шкаф.

Так. У меня были кое-какие деньги... А еще довольно много одежды и украшений, которые можно продать. Значит я смогу перебраться в столицу или в городок Вашку, что вблизи форта Тавиньо. И даже пожить там какое-то время...

А грамота, полученная после первого курса позволяла мне работать в какой-нибудь гильдии помощницей. И искать тем временем тех... кто уничтожил мою семью.

Были, конечно и препятствия.

Мой порыв был остановлен тихим голосом рассудка, и я села на кровать и задумалась. Потому что я не могла себе позволить ошибиться ни в одном действии.

Во-первых, любой магический патруль определит, что я несовершеннолетний маг без присмотра. А опекуна мне Его Величество не назначил – я находилась в академии в этом не было необходимости. Значит, меня направят до окончания разбирательств в особое учреждение, чего нельзя было допускать – меня там могут продержат не один оборот.

Во-вторых, знаний, которые у меня были, откровенно не хватало для полноценного расследования. Как и единомышленников.

В-третьих, в этот оборот за мной точно будет слежка. Я удивилась бы, если бы ее не установили. И, вполне возможно, подобных моих действий как раз и ожидают, чтобы было за что меня схватить.

Вздохнула и подошла к своему шкафу. Собралась было закрыть дверь... и замерла.

А потом схватила маленькую резную коробочку, на которой сейчас переливалось несколько разноцветных камушков. Вещицу стоимостью с особняк в центре столицы, которую прабабка подарила мне и брату – и которую мы использовали как игрушку. Да я и вовсе забыла о ней, а в академию прихватила случайно! А ведь она настроена исключительно на нас с Питером-Дамиеном.

Этот артефакт позволял общаться независимо от расстояния. Передавал по воздушным граням буквы и символы, отпечатывающиеся на внутренней деревянной дощечке... И он мигал сигнальными камушками, означавшими, сколько

дней назад было отправлено сообщение!

От волнения я позабыла простейший счет, пытаясь вычислить, когда... И победно взвизгнула, закончив расчет. На следующий день ПОСЛЕ того, как дознавателям было прислано сообщение о пропаже Питера.

Трясущимися руками я открыла шкатулку и едва не расплакалась, увидев, что там написано:

«Эви

так называл меня только он....

...происходит что-то странное. Я прошу тебя, умоляю – что бы ни случилось, оставайся в Академии. Пока это самое безопасное для тебя место. Я найду тебя там».

А вот появилось и мое «в-четвертых». Я была права в своем предположении... Похоже, на меня вполне может быть открыта охота.

Закрыла шкатулку, прижала ее к груди и упала ничком на кровать.

Питеру удалось то, что не удалось королю – остановить меня от неразумных действий.

Значит, в Академии?

Что ж, я дождусь брата здесь. Чего бы это мне ни стоило.

Спасибо за ваш интерес, за ваши лайки и комментарии! Кровь бурлит во мне – так нравится героиня и ее история... и герой, с которым вы пока не виделись. Если вам нравится так же, не скупитесь – нажмите кнопку "нравится".

На следующее утро я собиралась с особой тщательностью. Заплела волосы в сложную косу, припудрила бледное лицо и даже подкрасила обескровленные губы. А потом несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, внимательно глядя в зеркало, пока не убедилась, что на лице застыла спокойной-доброжелательная маска.

Я справлюсь.

Укуталась в свой плащ и в обычном темпе двинулась через площадь.

Я уже подходила к основному зданию академии, когда меня окликнул мальчишка, подрабатывавший здесь за посыльного и передал мне записку... от Андре?

С недоумением развернула её и, тщательно контролируя мимику, прочитала содержимое.

Мой жених писал, что срочные дела семьи задержали его дома – родителям даже пришлось отпросить его у ректора на весь день – потому что он не сможет позавтракать со мной, что его очень расстраивает.

Я сглотнула подступившую к горлу горечь. Боги вечные, он же не хотел сказать...

Не буду пока об этом думать!

Я медленно поднялась к большому входу, обрамленному скульптурной лепниной, изображающей многогранность на-

шего мира, и чувствуя себя так, будто меня ударили чем-то тяжелым по голове. И зашла в столовую, старательно не слыша шепотков за спиной. Показалось или нет, что они стали громче?

На мгновение растерялась, поскольку порядок действий оказался нарушен, но все-таки прошла к «своему» столу, положила на привычное место плащ, а сама отправилась за едой.

Завтракать не хотелось, но я не ела со вчерашнего утра и понимала, что долго так не продержусь.

– Этот столик занят.

Я тщательно прожевала откушенную сдобу – булку только и взяла, да еще несколько кусочков сладкого соледа – и лишь потом подняла голову

Луиса – Эрика вместе со своими подпевалами стояла рядом, скрестив руки на груди. И смотрела на меня с таким торжеством, что я поняла – знает. О лишении титула тоже знает, а значит вскоре об этом будет говорить вся академия.

– Да, занят, – мой голос был холоден и размерен, как и всегда. – Мной.

– А ведь ты не имеешь права тут сидеть...

– Прости?

– Это место только для самых высоких родов.

Она сказала это громко. Очень громко, так что на нас начали оглядываться – если вообще не смотрели с самого начала.

Согласно неписанным правилам академии столы у высоких, стрельчатых окон, глядящих на внутренний сад, голый по времени года, и правда занимала элита. К которой я до этой поры себя относила. На места посередине садились «среднячки», а безродные студенты жались у входа. И никогда мне это положение дел не мешало...

– Во-первых, – начала я медленно, – об этом ни слова в уставе Академии. Во-вторых, этот стол давно облюбован Хайме-Андресом. Сомневаюсь, что ты бы посмела подойти с такими громкими заявлениями, если бы он...

– Во-первых, – перебила она меня, передразнивая, – я что-то не вижу здесь твоего жениха. Похоже, он настолько беспокоится за свою репутацию, что даже не рискнул появиться сегодня в академии рядом с тобой. А во-вторых, не ты ли больше всех хвалилась тем, что благодаря твоему благородному происхождению ты имеешь гораздо больше прав и возможностей в каждой части этого здания?

Изнутри кольнуло. Не сожалением за свое прошлое поведение, нет... осознанием, что теперь многие мои слова и поступки будут использованы против меня.

Ведь каждое слово было правдой.

Я встала, так что Луиса была вынуждена сделать шаг назад, а потом спокойно посмотрела на нее.

– Знаешь, – сказала почти лениво, – я чувствую себя оскорбленной...

Девушка нахмурилась, не понимая, как ей расценивать

мои слова. И тогда я продолжила:

– А ведь если один студент оскорбит другого... – улыбнулась почти хищно, – то второй имеет право на магическую дуэль с предоставлением дежурному магистру причин и обоснований. Как думаешь, сочтет ли тот достаточным факт, что меня пытаются выгнать с моего места за мое положение? Кто там в этой декаде дежурит? Ах да, Матеус Дави... Если я верно помню, он ненавидит дискриминацию.

А я помнила очень хорошо.

Не раз и не два у нас был на эту тему серьезный разговор. Не в мою пользу. Но теперь, похоже, я оказалась по другую сторону. И кто сказал, что не воспользуюсь этим?

Луиса, бормоча ругательства, отступила.

Я же снова присела на стул и продолжила невозмутимо завтракать, хотя под столькими взглядами в горло ничего не лезло. Затем отнесла опустевший поднос, вышла из столовой... И позволила себе выдохнуть. Нырнула в боковой коридор, которым мало пользовались студенты.

Я шла по нему, все быстрее и быстрее, вперед, вбок, на лестницу и снова вниз, огибая какие-то помещения и уворачиваясь от встреч с редкими студентами, почти не разбирая дороги и все ускоряясь, понимая, что клокочущая внутри злость как кислота, что мы научились получать из простых, казалось бы, веществ, разъедает плотный панцирь моего спокойствия.

И что на занятие я сейчас не пойду... прогуляю, хотя не

делала этого до того дня, когда мне сообщили жуткие новости. Не то что бы я раньше боялась каких-то последствий... просто мне нравилось учиться, и я понимала, что каждое занятие повышает мой уровень. Но сейчас я просто не могла показаться под злорадные или лживо-сочувствующими взглядами одноклассников.

Ввалилась в какую-то комнату, которую видела впервые – на четвертом, кажется, этаже – захлопнула скрипящую дверь и что есть силы стукнула по пустой стене. А потом зарычала и ногой поддела гору непонятных тряпок, отправляя ее в полет в сторону покосившегося шкафа.

Похоже, я попала в кладовку для ненужных вещей.

И, похоже, я была здесь не одна. Потому что сзади раздалось насмешливо-ленивое:

– Ты не могла бы потише? Мешаешь...

Замерла и медленно повернулась.

Завеса!

Из всех студентов Академии судьба выбрала именно этого, чтобы сделать его свидетелем моих эмоций!

Даниель до Вальдерей полулежал на широком каменном подоконнике с книгой в руках и выглядел настолько вольготно в этом положении и месте, что становилось понятно – он здесь не первый раз.

Я вскинула подбородок, взяв себя в руки:

– Если мешаю – уходи. В академии все комнаты общие.

– М-м...какой забавный лепет. А ведь прежде ты говорила

совсем по-другому.

Они все сговорились, что ли?

Я стиснула зубы, ничего не ответив, и с независимым видом прошла к продавленному креслу. Скинула с него старые портьеры, подняв тучу пыли и уселась, всем видом показывая, что уж я-то никуда отсюда не двинусь.

– Что ж, придется тебя прогнать, – мужской голос прозвучал совсем рядом, – Повторяю – это мое место. Я здесь отдыхаю от всяких придурков и истеричных милашек. И не хочу делить его ни с кем – даже ненадолго.

– Ты что, назвал меня «истеричкой»? – вскинулась и обнаружила его нависающим надо мной... непозволительно близко. И с неудовольствием отметила, что на следующей фразе голос дрогнул, – А я повторяю – уйду отсюда когда захочу, а не когда мне укажут.

Может и не стоило идти на конфликт сейчас, когда мы наедине, в небольшом закрытом помещении, где, кажется, даже воздух сгустился. Когда у нас за плечами довольно внушительное количество взаимных оскорблений за эти полтора года. Но я знала точно – стоит мне один раз отступить перед кем-либо, согнуться... я проиграю всю войну. Не потому что прочие подумают, что у меня есть слабое место.

А потому что я буду знать об этом сама.

– Храбрая какая, – неподдельного изумление на его лице не могло не порадовать. У Вальдерея был давящий взгляд, внушительная сила и отвратительная репутация – ему мало

кто смел перечить.

Вот только я не прочие.

– А может не храбрая, а... желающая развлечься? – задумчиво продолжал парень, – Говорят, твой женишок отправился на выходные в город один, а значит ты не дополнила свою порцию.

– Ч-что? – мой голос задрожал. Да как он смеет!

– Так я могу... помочь, – протянул Вальдерей и резко наклонился ко мне, вцепляясь в подлокотники и не оставляя между нами даже воздуха. – Ты поэтому не уходишь? Ждешь, что я тебя приласкаю?

Я ахнула и прижалась затылком к спинке кресла, прошептала:

– Не смей трогать меня!

– А то что? – выдохнул в губы. Голубые, яркие глаза, столь похожие на мои собственные – боги, ну о чем я думаю?! – стали почти черными от расширившихся зрачков. А вечная морщинка между бровей сделалась глубже, выдавая напряжение.

– Заявлю на тебя за попытку...

– Попытку чего? – он склонился еще ниже, губы скользнули по моему виску, а горячее дыхание обожгло. Я ощутила, как внутри зародилось что-то странное, непонятное...

– Оп-порочить мое имя, – проговорила почти невнятно.

– Ни в коем случае... – он будто застыл на мгновение, а потом он жестко припечатал, выделяя каждое слово, – Слож-

но опорочить то, чего больше не существует.

Странное чувство было смыто волной боли и ненависти.

Я со всей силы отпихнула его от себя, вывернулась и вскочила, стиснув кулаки. А потом выровняла дыхание и прошипела, глядя прямо на ненавистного подонка:

– Имя рода – это сила и благородство, которое не забрать никакими указами. А вот то, что тебе его дали за заслуги родителей, ничего не изменило в твоей низкой душе. Мне и правда пора... не хочу дышать одним воздухом с тобой – вдруг отравлюсь.

Повернулась к нему спиной и вышла, каждую секунду ожидая нападения сзади.

Того не последовало.

Что ж...

Самое странное, что эта стычка, вместо того, чтобы раздавить меня окончательно, придала сил. Потому я пригладила волосы и все-таки отправилась на первое занятие. Оpozдание как-нибудь сумею объяснить.

Существовала легенда, согласно которой наш мир когда-то видел свое отражение. Но несколько тысячелетий назад в результате неизвестного катаклизма «зеркало» было разбито, а его осколки разлетелись по свету, проникнув в некоторых людей. Сделав их магами.

А вместо зеркала стала Завеса, из-за которой до сих пор приходят кровожадные чудовища.

Магия мира Лижейру и до того события пронизывала границами каждое вещество. Людей. Мысли. Но благодаря осколкам люди начали видеть грани... а потом и управлять ими. По сути, не сделав ничего, завоевали высшую степень доверия магической природы... И, конечно, не могли этим не воспользоваться.

Пусть, по словам одного из сильнейших магов прошлого, нам была дана лишь иллюзия, что мы способны чем-то управлять. Но мне порой казалось, что иллюзия – это мы сами. То, что происходит в «реальности». Ведь я нигде не чувствовала себя такой настоящей, как во время хождения по граням...

Та теория многим пришлась по душе – отголоски подобного отношения были даже в названии главной академии королевства Одивелар.

Академии Иллюзий...

Место, где нас учили повышать свой собственный потенциал и использовать то, что невидимо простым людям. Воспринимать любой объект как пространственную решетку, а три любых вершины этой решетки – как грань. Которую можно материализовать, изогнуть, рассчитать, нагреть.

И уничтожить.

– Увеличение кристаллов, – начал новую лекцию магистр Фелипе Талис, – не такой простой процесс как вам кажется... Студент да Клебер-Лабоста, если вы еще раз зевнете, я и правда отправлю вас спать до конца курса.

Мы все выпрямились и усиленно заскрипели перьями. «Спать» благодаря магистру никому не хотелось – он применял весьма изощренные наказания, и ректор им не противился.

Хотя закрыть глаза и вырубиться тянуло неимоверно – сказывались последние бессонные ночи и напряжение, которое я испытывала. Из-за этого весь первый день декады тянулся бесконечно.

Но слава богам, это последнее занятие на сегодня...

– Как вы знаете, грани отвечают плоским сеткам, ребра рядам, вершины – узлам в кристаллической решетке. Но граней не бесконечное количество – напротив, оно сильно ограничено. Если вы захотите увеличить какую-то структуру, то вам надо будет не просто раздвинуть вершины, но вырастить новые грани. И в процессе произойдет естественный отбор, часть граней будет потеряна. Ваша задача – не лишить свой

кристалл симметричности. За счет чего вы сможете это сделать? Клебер-Лабоста!

– Через простейшие преобразования, – капитан нашей пятерки уже смирился, что ему будет уделено особое внимание на этом занятии и ответил вполне бодро, – вращение, отражение, переворот.

– Прекрасно. И тогда действительно даже несимметричные прежде части могут быть совмещены друг с другом...

Я бездумно записывала лекцию, понимая, что уже не в состоянии воспринять новую информацию.

Посмотрю потом.

И с облегчением вздохнула, когда отвратительный рев – шутка предыдущего ректора, которая, почему-то, затянулась – ознаменовал окончание этого дня.

Вышла из аудитории, двинулась по коридору и тут же развернулась, чтобы не проходить через центральный холл. Потому что на пути в него стоял Вальдерей со своими друзьями и что-то бурно обсуждал. А снова с ним пересечься сегодня...

Это было бы слишком.

– Каталина! – меня нагнала моя пятерка. Я приостановилась и улыбнулась друзьям – во время лекций и перерывов мы почти не общались, я была слишком погружена в свои мысли, но сейчас не отказалась бы развеяться и выпить с ними по чашке чаю.

– Каталина, нам надо поговорить, – начал неуверенно Ма-

теуш да Клебер-Лабоста, а я нахмурилась, заподозрив, что мне не понравится, о чем со мной будут разговаривать. Внимательно посмотрела на Ану-Каролину, глянувшую на меня с вызовом, на Бернардо, который отвернулся, и только потом – на Алвейса, которого считала близким другом.

Тот ответил мне виноватым взглядом и одними губами прошептал «прости».

Я стиснула зубы и процедила:

– Я слушаю.

– Мы можем отойти в...

– Ну зачем же, – полагаю, моей ухмылкой можно было пугать детей, потому что члены моей пятерки – бывшей, похоже, пятерки – вздрогнули, – Все равно это завтра станет известно всей академии. Так что можно не церемониться.

– Ну-у... Хорошо. Мы хотим предложить тебе разойтись спокойно.

– А если я откажусь? – насмешка прорвалась сквозь злость, – Что будете делать – расходиться НЕ спокойно?

– Эва-Каталина, ты не облегчаешь нам задачу, – поморщился Матеуш.

– Ты серьезно? Я должна облегчить задачу вам? – недоуменно задрала бровь, хотя мне хотелось плакать.

– Всегда была стервой, – не сдержалась Ана-Каролина.

– Зато у тебя есть отличный повод не считать себя виноватой в вашем решении, не так ли? – я посмотрела на нее безразлично, как на насекомое, и девушка стушевалась. Я же не

могла себе этого позволить, – Значит, вы хотите избавиться от неудобного элемента. Испугались первых же сложностей? Что же вы будете делать в большом мире, где пятерки – это самый скрепленный союз из всех возможных? Бежать при первых признаках опасности и бросать тех, кто называл вас другом, на поле боя?

Я говорила зло, отчетливо и видела, что каждое слово попадало в цель. Мои однокурсники вздрагивали и шли пятнами, все понимая, но...

Это не помешало им исключить меня.

Конечно, я могу учиться и одна – и даже выполнять упражнения – хуже, но могу. Но я ведь так рассчитывала на их поддержку. На то, что за моей спиной есть люди, которые помогут держать рухнувшее небо.

Как же я ошибалась...

– Каталина, – Матеуш прочистил горло, – прости, но... Мы собирали нашу команду не только с позиции силы, но и с позиции величия рода. Ты же сама еще в начале первого курса обозначила такой принцип! Потому что род – это поддержка, дары, тайные знания...

– Которые никуда от меня не делись, – сказала зло.

– Но еще и помощь в распределении и дальнейшей работе, – капитан нашей пятерки был непреклонен. – И когда было предложено голосование... Каталина, прости, но я должен делать то, что лучше для большинства.

– И кто предложил голосование? – я заинтересовалась. –

Кто стал инициатором?

По быстрым взглядам в сторону девушки я все поняла.

– Вот как, – протянула, а потом резко подалась вперед, – Признайся, чьего внимания ты хочешь добиться, удалив меня?

Каролина побледнела, потом некрасиво вспыхнула и замотала головой:

– Я вовсе не потому... нет, вы не подумайте...

– У тебя ничего не получится, – ее поведение только укрепило мои догадки, – Ты сколько угодно можешь избавляться от соперниц – но это не сделает ТЕБЯ лучше.

Она начала опять что-то говорить. Я же потеряла интерес к той, кто меня предал.

Им всем воздастся. Но мой черный список начинается не с этих имен.

Повернулась к капитану, который хмурился, и, похоже, был чем-то недоволен – возможно даже принятым решением.

– Еще только один вопрос. Был хоть кто-то, кто проголосовал за то, чтобы оставить меня в команде?

Матеуш открыл рот и... выдохнул:

– Нет.

Я дернулась.

Глянула мельком на опустившего голову Алвейса.

Сглотнула вставший в горле ком.

И медленно двинулась по коридору. Но спустя несколько

метров остановилась и обернулась к застывшим в одной позе однокурсникам:

– Моих родителей обвинили в предательстве и уничтожили все, что нам было дорого. Просто спросите себя, не заслуживает ли ваше предательство такого же наказания?

А потом ушла.

То что Хайме-Андрес да Каstellо-Мельхор, клявшийся мне в божественной любви и верности, откажется от своих слов, было лишь вопросом времени.

Конечно, я не верила в это. Но, будучи реалисткой, которая точно понимает, что происходит, я не могла об этом не думать.

Особенно после его записки.

Особенно, после предательства моей пятерки.

Особенно зная, насколько амбициозны его родители и как долго их род – и целенаправленно – шел к вершинам власти. Прежде меня не слишком беспокоил тот факт, что я «удобная» во всех смыслах невеста для наследника. Я знала себе цену, знала, что привлекательная и умна, что со мной интересно без всяких титулов... и что я также выберу мужчину, исходя из величия предков.

Хотя мои родители – в отличие от многих – никогда не пытались меня продать или заставить... Их отношения были основаны на глубоких чувствах, и мы с Питером многим восхищались, понимая, насколько им – и нам – повезло. Их мудростью, любовью, уверенностью друг в друге, нежностью по отношению к нам. И они желали нам с братом того же.

Но я никогда не собиралась идти на поводу у чувств. И надеялась, что мой избранник будет сочетать все нужные мне

качества...

Так и получилось.

Наша с Андре история была похожа на сказку.

Молодые, красивые, родовитые и сильные маги... Завеса, да о таких как мы слагают романтические песни!

Он ни разу не давал мне повода усомниться в том, что я сделала правильный выбор.

Мама разговаривала со мной, пытаясь выяснить, не было ли некого... давления обстоятельств. Но оставила меня в покое, когда я четко дала ей понять – да Каstellо-Мельхор достоин быть моим женихом. Родители только взяли с меня обещание, что я не наделаю глупостей и не выйду замуж до окончания Академии... И я не собиралась торопиться. Зачем? Впереди была длинная жизнь, а я была уверена в своем выборе.

И эта уверенность – как и во многом другом – не могла не пошатнуться... Когда я увидела следующим утром Андре на пороге своей комнаты.

Очень ранним утром.

Сердце болезненно сжалось... но я сказала себе, что он просто недавно вернулся в Академию и сразу захотел меня увидеть.

Могла ведь я еще несколько минут пожить под защитой собственных иллюзий?

– Ты прекрасно выглядишь, Каталина, – сказал он так, будто не это имел в виду.

Я лишь пожала плечами.

Сложно выглядеть прекрасно, когда ты всю ночь изучал толстенный фолиант про магов-одиночек. Но я успела пару часов поспать, умыться и даже одеться. Так что мне не было стыдно за свой внешний вид.

– Проходи.

Андре не раз был в моей спальне, но сейчас будто не знал куда приткнуться. Встал возле окна, потом присел на кровать, спохватился, вскочил с нее и устроился на стуле возле стола, за которым я обычно читала.

Я ему не мешала метаться, только смотрела внимательно. В какой-то мере даже любовалась. Его уложенной прической, тонкими, благородными чертами лица, крепкой фигурой. Он был хорош, и правда хорош собой. Молодой мужчина с идеальными манерами и происхождением.

Идеальным уровнем силы.

В нашем мире магические осколки передавались от родителей к детям, приумножаясь. И, за редким исключением, чем больше их в каждом из родителей, тем больше доставалось ребенку.

Наверное род Каstellо-Мельхор выбрал меня именно по этой причине... Они или он?

Да и я не могла отрицать, что выбирала – в том числе – за силу. Которую он был способен концентрировать почти до максимального уровня. Как и я.

Но этот факт не отменял того, что даже самый сильный

род и маг может не решиться вступить в союз с той, от кого отказалась корона.

Андре вздохнул и выпалил:

– Мои родители заставляют меня разорвать помолвку.

Удар попал точно в цель. Как еще я не упала?

– Не знала, что была помолвлена с твоими родителями...

– просипела.

Он посмотрел на меня с отчаянием и решимостью.

– Ты не можешь не понимать...

– Что ты решил не бороться за нас? – тоска и боль, несмотря на все мои попытки сдержаться, прорывались в каждом слове. Я смотрела на того, кого считала родным и близким человеком – почти что частью моей семьи! – и понимала, что вижу его в этом статусе в последний раз. На мгновение мне захотелось умолять... встать на колени и молить, чтобы он не бросал меня. Но я подавила этот порыв и продолжила. – Ты не прав. Я не понимаю, почему ты поддался им.

– Я пытался убедить их, – он вздохнул и запустил пальцы в светлый волосы... Как я любила делать, когда мы были наедине...

Завеса!

Не хочу об этом думать.

– Я два дня проторчал в нашем доме, пытаюсь договориться. Умоляя помочь тебе, сделать частью нашей семьи, чтобы защитить. Но... вчера отец вернулся из дворца и сказал, что король в бешенстве, и удар может обрушиться и на наш род,

если я буду настаивать.

– А может и не обрушится.

– А ты бы стала рисковать? Своей семьей?

Он посмотрел на меня зло и с некоторой надеждой. Как будто хотел услышать заверения, что я рискнула бы всем.

Но правда была в том, что я сама не знала.

Сглотнула слезы и теперь уже сама подошла к окну.

Зародившееся утро посеребрило площадь, и та выглядела торжественно и красиво для того, чтобы похоронить еще одну мою мечту.

– Отец сказал, что отлучит меня от рода, если я буду настаивать, – продолжил Андре глухо.

– Конечно. И перестанет давать тебе денег, – я невесело усмехнулась. – Мы все так зависимы... от милости короля, от наших принципов, от привычек. Привыкли быть обласканы и богаты и нами, оказывается, так легко манипулировать, если только пригрозить забрать это.

– Каталина...

– Уходи.

– Я хотел бы остаться твоим другом.

– Не стоит. Как ты уже понял, моим другом оставаться тоже опасно.

– И все же...

– Убирайся! – я уже орала. Истерично, некрасиво, выплевывая этим криком черноту, которая клубилась у меня вместо крови, – Прочь из моей комнаты и больше никогда не

подходи ко мне!

– Кати...

– И не смей называть меня этим именем! – зарычала, – Оно только для моего будущего мужа!

Я быстро прошла вперед, распахнула дверь, а сама, не глядя на вскочившего парня, спряталась в ванной комнате.

Меня трясло. Грудная клетка ходила ходуном, а зубы выдавали быстрый ритм. Я до упора открыла вентиль с водой – как хорошо, что она ледяная! – и сунула под него голову, надеясь хоть как-то прийти в себя.

Помогло.

Дрожа, высушила волосы, мягко обдув их нагретыми воздушными потоками, вытерла лицо и пощипала щеки.

Слез не было. Откуда им взяться если внутри – пустота?

Я вернулась в комнату – Андре, конечно, не было – и собрала вещи на занятия. А потом долго сидела на краю кровати, дожидаясь начала учебного дня и не желая появляться в столовой на завтрак.

Следующие несколько дней прошли как в тумане.

Как ни странно, меня не трогали, не задирали. Я почти никого не видела – и не смотрела ни на кого. Просто ходила на занятия, где даже магистры не задавали мне вопросов. Ела в столовой, продолжая сидеть в одиночестве за облюбованным однажды столом, изучала в библиотеке все возможные книги, в которых была информация о самостоятельной работе с кристаллами, и проваливалась в тяжелый сон без снов.

видений.

Если кто и сплетничал за моей спиной, то делал это достаточно тихо.

А потом меня вызвали к ректору. И хотя на этот раз обошлось без прерывания занятий – секретарь подошел ко мне, когда я направлялась вечером в библиотеку – ничего хорошего я от этого вызова не ждала.

И оказалась права.

– Попечительский совет потребовал забрать у тебя «особый» статус, – начал он разговор, после того как я уселась на место.

– А вы не ходите вокруг да около, – поморщилась. Как-то после всего произошедшего мои привилегии... волновали меня уже меньше. – Комнату, личных наставников... что-то еще?

– Золотую нить.

– Что вы имеете в виду? – я нахмурилась, – Это же знак каждого студента.

– Именно.

– Но... – я все еще не понимала, – король потребовал наводиться в Академии и...

– Мы знаем о требовании Его Величества, – ректор выглядел смертельно усталым, но мне не было его жалко. Вот ничуть. Я, похоже, начала просыпаться после прострации, в которые меня ввергли все предыдущие новости. И то, что проспалось вместе со мной, было способно уничтожить окру-

жающих в радиусе километра.

– Тогда о чем речь? – спросила жестко, и мужчина посмотрел на меня с опаской.

– Послушничество.

– Что?! – вскочила так быстро, что стул отлетел прочь. Послушники... простолюдины, едва ли способные доучиться до конца второго курса. Им можно было присутствовать на занятиях, но взамен они выполняли посильную работу – попросту ту, которую остальным делать не хотелось. В нашей академии они были... наверное. Но я никогда их не замечала, а даже если бы заметила – прошла бы мимо.

И мне предлагалось стать этим?

– Почему? Это что, какая-то изощренная месть?!

– Эва – Каталина... – он вздохнул, – Академия Иллюзий – платное учебное заведение. Для каждого. И стоит не мало. За тебя платили родители, но сейчас все деньги – даже выплаченные за второй курс – конфискованы.

– Так заплатите вы! Вы же дальний кузен моей матери! Неужели...

– Мне ясно дали понять, что этого делать не стоит.

– А вы слишком беспокоитесь за свое место, – сказала горько.

– Я шел к этой должности слишком долго, и она выборная, ты прекрасно знаешь! Попечители могут...

– Мой отец был одним из попечителей и первый голосовал за вас – и так вы ему отвечаете? – мой голос наполнился

презрением. – Не понимаю, зачем король оставил меня на свободе? Лучше бы отправил к родителям в тюрьму. Потому что то, что происходит сейчас, мало чем отличается от пожизненного заключения.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь!

– Зато все вокруг, похоже, задалось целью объяснить мне это!

Я сжала челюсти, не намереваясь больше вести этот разговор и пошла в сторону двери. Но когда коснулась ручки услышала:

– Есть еще один вариант.

– Какой же? – спросила глухо.

– Найти поручителя.

Замерла.

Поручительство не было развито в нашей академии, в отличие от провинциальных, но я была знакома с этим понятием. Студент – или его семья – ручались, что другой студент по окончании академии найдет работу и выплатит все деньги за обучение.

– Неужели вы полагаете, что кто-то пойдет на это? Вы же не стали...

– Тем не менее ты можешь попробовать. Я поручу секретарю повесить объявление и дам тебе срок до завтрашнего полудня.

– Ох, спасибо, – съязвила, – Мне наверное стоит быть благодарной.

– Стоит, – кажется, я разозлила мага, – Ты не представляешь, сколько судеб сломал арест твоих родителей, и какие это будет иметь последствия для королевства! Потому да, тебе стоит заметить, что к тебе относятся не так уж плохо... и быть благодарной.

– Это вряд ли, – сказала совсем не вежливо. Но пересилила себя и попросила, – Пусть добавляет. Объявление. Хуже уже не будет.

Но я ошиблась.

Потому что когда на следующий день подошла к магической доске, на которой не только каждый полдень выставлялся обновленный рейтинг лучших и худших студентов, но и появлялась различная информация, там уже была толпа.

И я знала, на что они смотрели...

На единственное имя под «моим» объявлением.

Луисы-Эрики да Кадавал.

Втайне я надеялась, что капитан моей бывшей пятерки, который как никто знал мои способности, возьмет на себя эту ношу. Или мой бывший жених, который так надеялся стать моим другом.

Или кто-то из многочисленных приятелей, чьи родители дружили с моими...

Но мне и в голову не приходило, что поручителем может захотеть стать та, кто всеми силами пыталась меня уничтожить. И стоять теперь рядом, со злорадной ухмылочкой, уже предвкушая, как она будет помыкать мною.

Грудь сдавило, но я только выше задрала подбородок.

Сдержанность и умение не поддаваться обстоятельствам – признак благородной крови. Так говорили мои родители. И что бы ни произошло, я не буду умолять или пресмыкаться.

– Катали-ина... – пропела мерзкая девка. – Как жаль, что никто кроме меня не захотел помочь тебе, бедняжке. Что ж, придется тебе...

– Не придется, – я ответила совершенно спокойно, – я лучше буду убирать общественные нужники, чем запачкаюсь о твою грязь.

Смешки собравшихся вокруг вполне дополнили мое выступление.

– Значит так и будеш-шь делать, – прошипела взбешенная блондинка, – Потому что у тебя больше нет выбора.

– Ну почему же... – сказал вдруг мужской голос позади нас и толпа, окружившая меня и Луису, шарахнулась в сторону. – Я тоже готов предоставить свое поручительство.

Даниэль

Я хорошо запомнил тот день, когда впервые увидел Эву-Каталину.

Снежную Королеву, как её позже прозвали в Академии. Редкостную гордячку, считающую себя на голову выше всех окружающих.

Девчонку, которая бесила бы меня одним только фактом своего существования, если бы, к тому же, не показывала острые зубки каждый раз, когда мы с ней пересекались.

В тот день мы стояли с парнями в общем зале, торжественно украшенном по случаю начала учебного года, и «встречали» первокурсников. Точнее, первокурсниц. Как делали это и раньше. Рассматривали вновь прибывших и лениво заключали между собой пари – кто из нас и кого, а также насколько быстро... совратит.

Понятно, что чем симпатичней была девушка, тем выше была ставка. Но я не слишком всматривался в студенток, с восторженными улыбками осматривающих пока незнакомое

место. Меня вполне устраивала моя нынешняя любовница... обе. И не хотелось иметь дело с какой-нибудь неумехой, которая будет потом бегать за мной, заливая пол слезами. Но это было привычное развлечение, от которого я не стал отказываться. А буду ли делать с ними что-то – не имело значения. Ради разнообразия могу и проиграть.

До сих пор перед глазами это воспоминание.

Как на пороге появляется закутанная в плащ тоненькая фигурка. А потом девушка сбрасывает с головы капюшон и поправляет неуступчивую светлую прядь с необычным рыжеватым отливом. И Роша рядом со мной замирает, подается в её сторону, выдыхая:

– Её забираю я.

У меня же вырывается ругательство.

Нельзя сказать, что Эва-Каталина была самой красивой из всех девиц, которых мы когда-либо видели. Нет, тут другое... Чувственность, помноженная на уверенность в себе.

Ладная фигурка, подчеркнутая довольно вызывающим для этого общества, почти мужским костюмом. Роскошные волосы, которые, в отличие от своих однокурсниц, она не превратила в идиотское гнездо на голове, а оставила распущенными. И как-то сразу становилось понятно, что так намного красивее и дороже, что ли. Прозрачные глаза и нереально сексуальные пухлые губы, которые она в волнении прикусила.

Завеса.

Обычно я не реагировал так бурно. Да, меня могла привлечь хорошенькая мордашка, глубокое декольте или неприкрытое желание и похоть, которую мне демонстрировали, но чтобы ощутить что-то подобное тому, что я почувствовал... будто мне со всему размаху залепили по солнечному сплетению, а я даже не успел прикрыться.

Это было дико. Потому я и обратил на нее внимание.

И не я один обратил. И потому ответил твердо

– Нет, она моя.

– С чего это тебе достанется такой лакомый кусочек? – буркнул друг, и я уже собрался объяснить, с чего, как к нам наклонился Мигель.

Еще один из нашей пятерки, который окончательно стал «своим» на втором курсе, когда сломал мне ребро, а я ему нос. Мигель был наследником одного из самых благородных родов королевства, да еще и пра-пра-пра внуком основателя академии. Он имел каждую, кто хотел раздвинуть перед ним ноги, не важно какого сословия – считал это «отсутствием предрассудков». Редко появлялся на занятиях – но при этом оставался одним из самых сильных магов – дерзил магистрам, за что ему порой от тех же прилетало. И провернул за эти годы пару дел, из-за которых другого выгнали бы из академии...

А еще он проводил все каникулы в путешествиях, а не в своем родовом замке. И к нам-то прибился потому, что это было вызовом и бесило его родителей, а Мигель старался

сделать все, чтобы взбесить их. Я не знал, что у него там на самом деле с родственниками – сам парень не делился, а я не лез, потому что считал не своим делом – но тот факт, что отец не спешил его наказывать или как-то еще реагировать на подобное поведение, продолжая давать денег, навевал на определенные мысли.

– Любуется Эвой-Каталиной? – спросил парень насмешливо, кивнув на заинтересовавшую нас девушку.

– Ты ее знаешь?

– Каждый из тех, кто когда-либо бывал на приеме в королевском дворце, знаком с ней. Ой, я и забыл, что ты там никогда не был, – он громко заржал, а я подавил в себе раздраженный вздох.

В сущности Мигель мне нравился, и я был в нем уверен, но иногда его шуточки....

– И она.... – поторопил, стараясь не выдать свое нетерпение.

– Дочка первого советника короля. Великий род и все такое. Видишь, как увивается вокруг нее Хайме-Андрес да Каstellо-Мельхор? Уверен, его семейка спит и видит, как поженить их. И обратите внимание – она не против. Я уже несколько раз видел их вместе на приемах, так что еще немного и нам объявят о «счастливой помолвке».

Я скривился.

Хайме- Андрес с самого начала, как мы поступили, постарался сделать все, чтобы я почувствовал себя не на своем

месте. Но его достоинства и статус, которыми он так кичился, были и его недостатками – и ему не раз прилетало за заносчивость и веру в собственную непогрешимость.

У меня были свои методы.

И этот ублюдок сейчас обнимал ту, которую я собирался сделать своей.

– Ничего, – хищно улыбнулся, – она просто еще не знакома с настоящим мужчиной.

Мигель внимательно посмотрел на меня и покачал головой:

– Учти, Эва – Каталина... Не так доступна, как тебе может показаться, и она... Впрочем, не буду лезть. Дело твое.

Она стала моим делом, да. В какой-то мере наваждением. В те первые дни я даже позволил себе совершенно глупую жалость, что не обладаю двойной фамилией и именем.

Но наваждение прошло так же быстро, как и появилось.

Потому что дочка советника оказалась такой же, как и её парень, старательно ее обхаживающий – заносчивой сучкой, считающей свое происхождение достаточной причиной, чтобы помыкать другими людьми. Несколько раз я подходил к ней – по незначительным поводам, которые для другой стали бы отличной возможностью познакомиться – но натыкался на презрительное недоумение.

А потом она и вовсе выдала, сказав мою фамилию до «вильтерей» – так называли самых мелких тварей Завесы, питавшихся падалью – и уверенно глядя на меня своими

прозрачными глазами:

– Вильтерей... я не уверена, что мне стоит общаться с местной обслугой, боюсь, что не отмоюсь.

– Обслугой? – я старательно задрал бровь, хотя едва сдерживался, потому что впервые мне захотелось ударить женщину. Мой дед и бабушка и правда были слугами в одном из замков на краю королевства. Они фанатично и много работали, чтобы их дети знали лучшую жизнь – как и мои родители, что рисковали ради короля. Я не стыдился этого, но... не выносил, когда другие относились к моему прошлому пренебрежительно, – Ты, кажется, что-то путаешь.

– Нисколько, – она неприятно улыбнулась, и выдала, намекая на девок в моей постели, которых я не скрывал. Да, их было много, но у какого нормального парня не было? – Разве не ты регулярно обслуживаешь богатеньких шлюх?

Перед глазами пронеслась красная пелена. Но я лишь процедил хриплым голосом:

– Не стоит так откровенно завидовать.

– Чему? – её удивление даже не было наигранным. – Тому, что твоя комната стала местом общего пользования?

С того момента началась наша война, которая продолжалась несколько оборотов.

Смешно – я и неопытная первокурсница. Но она оказалась сталью, завернутой в несколько слоев кружев. И поспособствовала тому, чтобы между мной и аристократией пролегла еще большая пропасть. А еще... настырная заучка на-

столько тонко и умело пользовалась уставом академии и делала мне пакости, за которые ей ничего не было, что даже мои друзья приходили в восхищение.

Я научился не менее тонко задирать ее и подставлять, чтобы насладиться её бешенством.

Выучил наизусть устав и больше не попадался в умело расставленные ловушки.

Сам настойчиво тыкал в разницу в нашем происхождении, превращая её в достоинство.

И соблазнял теперь исключительно тех, кто хоть немного сближался с ней. Чтобы потом они обязательно лезли к ней со своими страданиями. Эва-Каталина не терпела подобных «глупостей» и быстро растеряла всех «подруг». Хотя я – в глубине души – надеялся, что она просто ревновала...

– Вильтерей, – искажение моей фамилии вошло в её привычку, но я уже даже не реагировал. – Какой завесы ты опять взялся за свое? Мирала переводится из-за тебя из академии! Почему... боги, ну почему ты никак не успокоишься? Ты превращаешь лучшую академию в какой-то бордель!

Девушка поймала меня в коридоре и так и искрила искренним негодованием. Ей было невдомек, что эта Милара сама вешалась на меня и умоляла лишить её девственности – но я никогда не связывался с невинными девицами и потому быстро отшил. А теперь переводится? Ну, если она такая идиотка, то я тут при чем?

– Ты можешь это исправить, – я сделал к ней шаг и девуш-

ка оказалась почти прижата к стене. – Например, статья...

Я не успел договорить.

Меня оттеснил Хайме- Андрес, причем довольно жестко, и обратился к слегка смущенной Эве:

– Каталина? Все в порядке?

– Что может быть не в порядке? – протянул я лениво, но парень уже стискивал своими лапами тонкую талию и метал в меня взгляды, полные бешенства.

– Не лезь к моей невесте, – процедил он.

– Знаешь, для статуса жениха и невесты... – начал я и замер. Потому что ублюдок гордо продемонстрировал тонкий помолвочный браслет на своем запястье, а девушка вдруг смутилась и чуть покраснела.

Я подавил волну... зависти? И прошипел по возможности пренебрежительно:

– Ну надо же, счастливая парочка. Будьте осторожней, а то с вашими темпами вы не успеете закончить академию, как станете родителями.

Эва повернулась ко мне и процедила:

– В отличие от простонародье – задрала свой хорошенький носик и посмотрела на меня с прищуром, – нам знакомо понятие противозачаточных заклинаний.

А меня окатило жаром.

От темной, дикой ярости, потому что я представил, чем они занимаются за закрытыми дверями.

И меня настолько взбесило это чувство, что я приказал

себе отойти и забыть о ней. Запретил себе реагировать на её существование. Замечать её и её издевку. Которые быстро сошли на нет без моей подпитки.

Прошел год... и встреча в кладовке, которая снова разбудила мое любопытство.

А теперь я стоял в центральном холле, смотрел на бледную девушку и размышлял.

О том, что у меня появился шанс взять реванш за все, что она когда-либо сказала и сделала. Шанс узнать, действительно ли она так хороша, как рассказывал её жених – не мне, конечно, но слухи разлетались быстро. Понять, стоила ли она того, чтобы её так хотеть.

Несмотря на то, что Эва-Каталина стояла в центре сво-ры, которой раньше управляла – и которая была готова накинуться на нее прямо сейчас – она выглядела так же уверенно и холодно, как и раньше. Настоящая Снежная Королева, которая не может не восхищать своей выдержкой.

Возможно только мне было видно, как похудело её лицо за эти дни и какие тени залегли под глазами. Насколько напряжена спина и как подрагивают кончики пальцев казалось бы расслабленных рук. Как быстро бьется жилка на её виске.

Ничего такого – я просто привык подмечать детали.

Как и то, с каким злорадным торжеством смотрит на нее какая-то блондинка, а ублюдок да Кастелло-Мельхор стоит позади всех и прячет взгляд.

Нет, я не испытывал жалости – Эву-Каталину невозмож-

но было жалеть, даже когда у нее забрали титул и привычное ей окружение.

И я не мог не уважать то, как она держалась все эти дни. И теперь не мог не рискнуть потратить деньги, которые лежали у моего поверенного, на действительно интересное дело. Сделал шаг вперед – не расталкивая придурков, нет, они сами начали отступать – и спокойно произнес:

– Ну почему же... Я тоже готов предложить свое поручительство.

Девушка резко повернулась ко мне, а её глаза вспыхнули подозрительностью и неверием.

Я не собирался уговаривать или убеждать её в чем-то. И вообще, мне было плевать, что она в итоге выберет.

Хотя кому я вру? Не плевать.

Я молча смотрел в её светло-голубые глаза с темной радужкой, столь похожие на мои, и ждал.

О, я умел ждать.

Все вокруг начали что-то говорить, но я не обращал внимание на этот гул. Просто смотрел в глубокий омут, полный растерянности и неуверенности...

– Она никогда не примет поручительства от такого, как ты.

А вот этот голос я не стал игнорировать. Повернулся к Хайме-Андерсу и насмешливо уточнил:

– Ой, кто это говорит? Бывший жених, который распевал всем о своей огромной любви, но отступил сразу, как только

возникли сложности и папочка приказал ему снять браслет?

Я видел как его дернуло, как удар попал в цель. Впрочем это почувствовали и все остальные – даже недалеким идиотам было понятно, что он совершил не самый красивый поступок.

Скулы гаденыша побелели, но я уже снова смотрел на Эву. И понял, что не учел одного. Что девушку заденет рикошетом, и пусть она и раньше осознавала низость поступка своего бывшего, но вряд ли готова была услышать это... вот так.

Её глаза полыхнули ненавистью – ну прости, детка, что озвучил правду – а потом наполнились решимостью. Она мельком взглянула куда-то в сторону – кажется, на табло рейтинга – а губы её изогнулись в уверенной улыбке, когда она сделала несколько шагов ко мне.

Проиигнорировав бывшего жениха, подступившего к ней, столь виртуозно, будто и в самом деле не испытывала больше никаких чувств.

И сексуально промурлыкала, глядя мне в глаза:

– Я принимаю твоё предложение. В конце концов, у кого ещё учиться лучшей ученице Академии... как не у лучшего ученика.

В этих её словах было... всё.

Завеса её заberi, она просто неподражаема!

И спустя несколько мгновений я убедился, насколько.

– Он не лучший, – прорычал сбоку Хайме, оскорбленный каждым из ее намеков.

— Да? — девушка повернулась и недоуменно подняла бровь, будто только заметила блондинчика. — Разве ты не знал, что присвоение статуса поручителя добавляет двадцать пунктов к рейтингу? Ох, ну конечно, откуда это знать... второму.

Мертвая тишина, повисшая в холле, была прервана ударом гонга.

Подпрыгнули почти все и все же перевели взгляд на табло.

Не знаю, нарочно ли она подгадала так, чтобы эта сцена завершилась ровно в полдень, когда менялись строчки рейтинга, но я не удивился бы, если бы так и было. Магические строчки вспыхнули. А на самом верху появилось мое имя.

Краем уха я слышал лучшую музыку на свете — несдержанные проклятия от Хайме.

А потом посмотрел на удаляющуюся изящную спину. И пошел за Эвой-Каталиной, чувствуя себя, почему-то, неприлично счастливым.

Я внимательно смотрела на Даниеля до Вальдерея и никак не могла понять своего отношения к произошедшему.

Слишком быстро все случилось, слишком спонтанно я приняла решение, и сейчас одновременно будто горела от эмоций и коченела от страха последствий.

Меня лихорадило изнутри, но внешне я оставалась спокойной.

Надеялась на это.

Брюнет вольготно расположился напротив, в пустой аудитории, усевшись на стол и отвечая мне не менее внимательным взглядом.

Впрочем, нам обоим не было необходимости изучать другого. Мы успели это сделать за тот короткий период "войны", который стал, пожалуй... одним из самых ярких переживаний на первом курсе.

Я хорошо запомнила день, когда первый раз увидела Вальдерея.

Мой первый день в академии.

Прежде мне не доводилось бывать здесь, хотя брат закончил её лишь накануне. Но сторонние посетители не были в этом здании частыми гостями – не принято. И даже родители появлялись в Академии Иллюзий исключительно в связи с провинностями Питера – Дамиена. Помню, как ругался

отец, когда ему в срочном порядке закладывали экипаж – на третьем курсе мой брат умудрился взорвать главную лабораторию. Тогда обошлось без исключения, но не потому, что папа был членом попечительского совета, а потому, что тот взрыв оказался частью весьма неприятной и долгой истории, по окончании которой академия лишилась нескольких учителей.

Зато рассказов об этом месте наслышалась множество. Ведь здесь учился практически каждый сильный маг из благородного рода. И вся королевская семья. И мои родители. И наш нынешний ректор.

И заведение за ту сотню лет, что стояло на одном месте, обросло огромным количеством страшилок, знаменитостей, историй и традиций.

О многом мне поведал брат. Например, насколько важно знать устав – и как можно повернуть его правила в свою сторону. И о тайных войнах между самыми сильными пятерками. И о том, что старшекурсники часто выбирают себе «новые жертвы» среди вновь поступивших.

Хоть и посмеивался при этом, что нарушает тем самым «неписанный мужской кодекс академии». Но где я для Питера – и где кодекс.

– Я знаю, что ты... – брат тогда замялся, пытаясь подобрать слова, и я уточнила с любопытством

– Благоразумна?

– И это. А еще достаточно цельная личность. И тебе не

составит труда разобраться, кто есть кто – и решить, с кем ты хочешь общаться. Просто обрати внимание, что у некоторых парней... да что там, девушек тоже, основной целью будет не учеба.

Я только пожала плечами.

Вряд ли мне стоило беспокоиться о каких-то интригах, распутном поведении и прочих пари. Во-первых, двор мало чем отличался в этом смысле – а я жила далеко не в провинции, да и родители не пытались держать меня внутри крепостных стенами. А во-вторых, я и без Питера знала, что большинство студентов воспринимают учебу в академии как последний глоток свободы. Потому что многих потом ждала серьезная государственная служба, более-менее удачные браки, служба в отдаленных провинциях.

Я никогда не считала жизнь за пределами академии клеткой.

Может быть потому, что меня никогда не заставляли идти чужим путем и желаниями. Я знала, что сама выберу себе мужа, что мне не обязательно выходить замуж сразу, как только я научусь сносно пользоваться магией, что впереди у меня долгая и насыщенная жизнь, а пребывание в академии – лишь начало. Но игнорировать общее отношение к происходящему внутри этих стен оказалось не так просто.

В тот день я сразу их заметила – как только зашла вместе с новыми студентами в общий зал. Группку парней на возвышении, смотревших на окружающих как на товар. И сразу

поняла, что от них следует держаться подальше.

Не вышло.

Меня будто целенаправленно преследовали и наталкивали на самое безнравственное поведение. И больше всех старался Вальдерей, вызывавший только стойкое неприятие. Ему, похоже, доставляло удовольствие задирать меня да еще с особой циничностью... использовать знакомых мне девушек.

Я же не могла не отвечать.

В те обороты мы... неплохо потрепали друг друга.

Фактически, я оттачивала на нем знание устава и заклинаний, которые мне по секрету достались от Питера. И получала огромное наслаждение от того, как он бесился каждый раз, когда я брала верх... а это было почти всегда. Пока Вальдерей не научился играть, а не действовать в лоб.

Я не помню в какой момент это все прекратилось, но... Однажды я осознала, что больше ко мне никто не лезет. И вздохнула с облегчением. Пусть наше противостояние и добавляло некоторой искры в монотонность занятий, но мне хватало учебы, сближения с пятеркой, волнений, связанных с помолвкой.

Я почти забыла о нем... А теперь, совершенно неожиданно, оказалась связана с ним довольно крепкими узами.

Я вновь прошла взглядом по растрепанным темным волосам, поджатым губам, распахнутому сюртуку – ни разу не видела его застегнутым – и вновь задалась вопросом... за-

чем?

Хотя не уверена, что хотела бы услышать то, что он мне может сказать... если решится быть честным.

Отомстить? Утереть нос извечному сопернику? Посмеяться? Возможен любой вариант. Или еще хуже – жалость. Вот от него жалости я бы не потерпела.

Интересно, кто из нас заговорит первым?

Едва сдержала улыбку, когда услышала чуть раздраженно – насмешливое:

– Любуешься?

– Изучаю, – откликнулась с готовностью. – В роли ответственного за кого-то я тебя никогда не видела.

– Я тоже не предполагал, что придется взять тебя под покровительство.

– Поручительство, – покачала головой. – Ты как всегда не точен в формулировках. Так и не научился этому?

– Держаться за слова, а не за смысл? Это признак истинной аристократии, который я тщательно избегаю.

Мы замолчали и посмотрели друг на друга, пытаясь предугадать следующий ход.

И снова он начал первым:

– Но твоя дотошность и здесь должна была сработать. Ты в подробностях изучила все, что стоит за этим принципом?

– Именно, – я кивнула.

– И не скучно быть такой предусмотрительной? – спросил он с некоторым любопытством.

– Так значит ты бежишь от скуки, когда влипаешь во всякие переделки? Осознанные глупости... Такой образ жизни мне и правда был прежде не знаком, – я громко и отчетливо поаплодировала, но брюнет только закатил глаза.

Может он настолько доволен, что имеет теперь призрачную возможность получить власть надо мной, что мои уколы на него не действуют?

Что ж, придется его разочаровать.

– Поручитель гарантирует, – начала, – что тот, за кого он поручился, выплатит долговое обязательство. А если нет – должен будет выплатить его сам.

– О, боги! – он схватился за грудь, – Мне надо быть осторожным и не разориться к этому моменту!

Шут.

Я не стала комментировать.

– Поручитель имеет право отслеживать уровень и рейтинг студента, а также рекомендовать тому дополнительные занятия...

– То есть я буду контролировать как ты учишься? – подался он вперед, но я только хмыкнула.

– Я понимаю, что слова для тебя значат мало, но смысл ты же способен уловить? «Отслеживать» и «рекомендовать». И я вовсе не обязана выполнять твои рекомендации.

– Но это ведь лишний повод нам встретиться, не так ли? – он, зачем-то, сделал несколько шагов ко мне.

Я поморщилась.

Идиотская манера Вальдерея зажимать меня, нависая мощными плечами надо мной, всегда вызывала жуткое раздражение.

– "По поводу", – передразнила его, – я, конечно, буду с тобой встречаться. И последнее – поручитель имеет право отказаться от своих обязанностей в течение оборота, и это не будет иметь никаких последствий.

И последний шаг. А еще глаза парня нехорошо загорелись, но я только покачала головой:

– Даже не думай меня шантажировать этим. Я уже почти согласилась стать послушницей – и сделаю это снова.

– А почему не сделала сразу? – он таки прижал меня к стене. Точнее, я прижалась к ней сама, стараясь избежать слишком уж откровенной близости.

Сколько раз я зарекалась отступать под его давлением... еще тогда, давно. Но боевая привычка всегда иметь за спиной стену, а врага перед глазами играла в нашем случае дурную роль.

– Я всегда пользуюсь тем, что предлагает мне жизнь, – ответила холодно.

– Или теми?

– Или теми.

– А если я настаиваю на правдивом ответе?

Я вскинула голову, глядя на него. Сердце ударило в ребра и, кажется, остановилось. Он был как-то слишком... рядом. Во всех смыслах. Льдистые глаза смотрели в упор, и я опять

подумала, насколько они были похожи на мои. И если бы я верила в ту легенду, это бы стало большой проблемой.

Хорошо, что я не верила.

– Ты опять забываешь, что не можешь настаивать, несмотря на новый статус, – сказала чуть осипшим голосом.

– Тогда... просить?

Это совсем выбило меня из колеи.

Я облизнула пересохшие губы, и он на мгновение завис, глядя на них, но снова быстро перевел взгляд. Глаза в глаза.

– Тогда откровенность за откровенность? – решилась я на что-то.

– Тогда... нет.

Что ж, ему тоже не хотелось говорить правду. Или врать. Или он так же, как и я, не совсем понимал, что в сумбурных наших мыслях окажется правдой.

И вот этот момент я оценила.

Хотя пока не готова была в этом признаться.

– Но скажи мне, – продолжил Вальдерей, понизив голос и прищурившись, отчего мелькнувшие в его глазах искры почти скрылись за пушистыми ресницами. – Неужели я совсем не заслуживаю никакого вознаграждения за свое великодушие? Ты же понимаешь, о чем я...

Вознаграждения?

Я сморгнула и почувствовала, как вспыхнули мои щеки.

Он серьезно решил потребовать плату?! Я конечно могла предположить, что его мотивом может стать желание еще

одной победы, но, думал, что он умнее и понимает, что меня в постель не уложишь.

А раз оказался глупцом.

Юбка немного смягчила удар, которому научил отец, а мое рычание – стон Вальдерей, рухнувшего сначала на колени, а потом и на бок. Я же резко двинулась к двери.

Ну и плевать! Все равно из этой затеи не могло выйти ничего хорошего.

Я уже взялась за ручку, когда меня остановил... хохот?

Чувствуя, как накрывает волна бешенства, повернулась к лежащему на полу парню и не поверила своим глазам. Этот придурок действительно смеялся! А потом со стоном встал – все-таки мой удар угодил в цель – и посмотрел на меня, наклонив голову:

– Ты бы видела свое лицо, Эва...

– Называй меня Каталина, – процедила.

– Конечно, Эва, – он ухмыльнулся, чем взбесил меня еще больше. – Я просто проверял тебя, прости. Мне надо было убедиться, что ты не воспользуешься своим новым положением, чтобы забраться ко мне в постель.

Чего?! Ах он...

Наверное, у меня был очень красноречивый взгляд, потому что Вальдерей быстро продолжил:

– Ты меня не интересуешь в этом смысле, – и пока я соображала, не оскорбили ли меня сейчас снова, заявил, – У меня к тебе предложение. И теперь я серьезно.

Я все таки убью его когда-нибудь. Сделала глубокий вдох и отчеканила:

– Говори.

Даниель

– Ты сошел с ума?!!

– Не ори.

– Не указывай, что мне делать! – Роша разве что не брызгал слюной. – Да у нас очередь на это место из самых сильных пятикурсников, а ты пригласил... девчонку! Еще и аристократку!

– Я, позволь заметить, тоже аристократ, – лениво протянул Мигель и с мечтательным выражением откинулся на траву. Он выглядел – в отличие от Роша и Жоакина – совершенно спокойно и почти не отреагировал на новости.

– Да какой ты аристократ... – чуть смутился мечущийся рыжий, – Свой. Нет, Дан, я против. Она второкурсница, она девчонка, она ненормальная... Завеса, найди другой способ уложить её в постель! Когда ты вдруг на глазах у всей академии предложил стать её поручителем, я ничего не сказал – это не мое дело. Но Игры – они наши общие!

– Я затеял это не ради постели.

– Да? – тут даже Мигель оторвал голову и переместился

к нам ближе, демонстрируя нешуточный интерес и недоверчивую насмешку.

Завеса забери этого вальяжного кота, который только с виду ничего не замечает и ленив, как морской овар! Притворство, давно въевшееся в его кожу.

Но я не знал более умного, быстрого и опасного мага в академии... кроме себя.

– Да, – ответил максимально уверенно. – Она будет нашим тайным преимуществом.

– С чего ты так решил? – не выдержал уже Жоакин.

Мы расположились в зимнем саду, подальше от любопытных глаз и ушей, ради этого разговора... и хоть какого-то решения.

Споры о том, что нам делать и кого взять на внезапно освободившееся в нашей пятерке место шли уже несколько дней. С последних выходных, когда Артур до Ракулада умудрился напиться, залезть на одну из башен в столице и начать орать там непристойности.

И все бы только посмеялись, если бы его не обнаружил магический патруль, а этот идиот не устроил с ними игру в догонялки.

Вердикт ректора был краток – отстранение от учебы на три оборота, штраф за то, что «опорочил честь и достоинство академии» и взятое им обязательство учиться самостоятельно – чтобы потом сдать все экзамены.

Иначе прощай диплом и карьера.

Разозленные родители Артура забрали того в родной город, чуть ли не на другой конец королевства. И мы бы не переживали, если бы не Игры, в которых мы просто обязаны были участвовать.

Севаро-Мартин да Фарос только развел руками, но заявил, что можно взять временного игрока, раз уж наша пятерка один из сильнейших претендентов на победу.

И все эти дни мы рассматривали кандидатов.

– Предыдущим составом наша пятерка уже выходила на Игру... и проиграла. И за этот год может и стала хитрее и сильнее – но другие тоже. Только вот каждая пятерка, где все давно друг друга знают и где каждый жест отработан, может попасть в ловушку предсказуемости...

– Это все понятно, – нетерпеливо перебил Роша, – Конечно, рискованно что-то менять накануне Игры, но раз такой случай, то, взяв любого сильного и опытного мага, мы можем вырваться вперед. Сильного и опытного, понимаешь? С чего ты решил, что да Феррейра-Ильяву... тьфу, она же теперь как-то по другому должна именоваться... короче, Каталина окажется именно такой?

– Эва.

– Что «Эва»? – не понял Роша.

– Она бесится когда её так называют – значит будем называть так, – усмехнулся лениво и парни почти синхронно закатили глаза. – Ладно, а теперь серьезно, – я понизил голос. – Эта девчонка уникальна как маг. Я уж не говорю про

ее изворотливость, умение держать себя в руках и упертость – вы это и так все знаете. Но она еще на первом курсе могла дать отпор почти любому старшекурснику...

– То есть тебе? – усмехнулся Мигель.

– Даже если я не самый слабый из нас, не так ли? – ответил такой же насмешкой. – У нее сумасшедший уровень и умение концентрировать осколки. А еще множество секретов, переданных семьей. К тому же, только она сумеет перетянуть на себя внимание и заставит наших соперников рассуждать, не сошли ли мы с ума... что даст нам фору.

– И все-таки у меня ощущение, что ты просто втягиваешь нас в какие-то свои игрища, – нахмурился Роша

– А я в этом точно уверен, – Мигель подмигнул.

– Почему ты вообще решил, что это разрешено? Она с младшего курса – а Игра ведется между старшими? – Жоакин всегда был самым осторожным и рассудительным из нашей компании. И самым скромным. Я вообще порой удивлялся, как он нас терпит, но его умение уравнивать вспыльчивость Роша, саркастичность Мигеля и бесцеремонность Артура я оценил.

Особенно, когда стал капитаном этих парней.

– Я изучал правила, – ответил спокойно, – В случае, подобном нашему, допускается использование студентов младших курсов.

– Если пятерка не возражает, – поджал губы Роша.

– Как капитан я имею право взять её.

– Попробовать, но не утвердить!

– Я лишь включил её в тройку «финалистов» из кандидатов, – сказал примирительно. – Вы сами посмотрите на нее в деле и увидите, на что она способна.

Почему-то я был уверен в Эве-Каталине.

Может потому, что видел в ней то же, что и в себе... Злость на обстоятельства. Гордость. Желание взять реванш у судьбы и... доказать всем и каждому, что она справляется.

И даже лучше, чем раньше.

Я поймал себя на мысли, что её хочется... защитить. От того, что произошло, и что могло бы сломать другого.

Но я постарался отбросить ненужные мне переживания.

Каждый в этом мире выживает как может. И девчонка оказалась не в худших условиях выживания – к тому же обладает нужными качествами, чтобы выбраться из ямы. Ну и я уже сделал все, что мог...на самом деле даже больше, чем остальные. Если она не отступит – а она не отступит, потому что вчера я увидел по её глазам, насколько ей хочется щелкнуть по носу недоброжелателей и из отверженной превратиться в единственную малолетнюю участницу Игр – то сумеет продвинуться гораздо дальше, чем если бы она стала тем, кем её пытаются сделать.

Запуганным и ни на что не годным молчаливым существом.

Я вернулся в общежитие вечером, намереваясь лечь спать и надеясь, что не застану у себя под дверью какую-нибудь

красотку, чьи имена и лица давно уже слились у меня в одно.

Но вместо этого столкнулся с Хайме-Андресом. Мы жили в одном крыле, хорошо хоть на разных этажах, и нередко пересекались на многочисленных лестницах.

Обычно он говорил мне какую-то гадость, я отвечал ему тем же – и на этом наше общение заканчивалось.

А тут... хм, он серьезно? Перегородил мне дорогу? И что меня удивило, что Хайме, похоже, был слегка пьян. Запах и блестящие глаза его выдавали.

И злость, которую он даже не скрывал, притворяясь, как обычно, приятным парнем.

Неужели наследничек да Каstellо-Мельхор напился от какого-то душевного потрясения и собирается устроить мне сейчас сцену?!

– Отойди с дороги, – сказал холодно, но блондинчик только глумливо ухмыльнулся и отрицательно качнул головой. А потом спросил свистящим шепотом.

– И как тебе она? Уже попробовал?

До меня даже не сразу дошло... А когда дошло, в голове стало пусто, а перед глазами – темно. Но я сдержался:

– Тебя это не касается, придурок. Ты сам отказался от Эвы – и не тебе теперь задавать вопросы.

Он будто меня не слышал:

– Такая нежная и правильная на вид, да? И так легко превратилась в продажную дрянь.

Эта тварь меня провоцировала... И завеса его раздери,

у него получилось! Я схватил его за плечи и со всей силы швырнул на стену, так что отлетел кусок штукатурки. И прошипел прямо в ухмыляющееся лицо:

– Давно не ходил поломанным, придурок? А ведь мне можно. Можно вызвать тебя сейчас на бой и ничего за это не будет – потому что когда защищаешь честь девушки, устав академии защищает тебя...

– Давай, деревенщина, – коротко рассмеялся Хайме, – и завтра всем будет известно, что мы с тобой сцепились за нее. Только ведь каждый в академии – и Каталина в том числе – будет думать, что это ты оскорблял... а я вступился за её честь.

Завеса!

Он был прав, и мы оба это понимали.

Пока что моя репутация играет против меня, а вот Эва... От одной мысли о том, что она вдруг будет сочувствовать побитому ублюдку – а в том, что я его размажу, я не сомневался – и злиться на меня стало как-то не по себе.

Я сцепил зубы, призывая всю силу воли, и отодвинулся от блондинчика. Проигнорировал торжество в его глазах и продолжил подниматься по лестнице. Но спустя несколько ступеней остановился и обернулся, бросив, перед тем как уйти:

– Знаешь, чем мы отличаемся друг от друга? Вовсе не тем, что ты аристократ с историей, а моим родителям только недавно дали титул. А тем, что меня научили принимать решения и следовать им, за тебя же всегда все решали другие

и будут продолжать решать. Ты уже упустил действительно достойную девушку, звание первого ученика и статус «самого романтического» студента, потому как никто не забудет, как ты поступил со своей невестой. И не пройдет и нескольких дней, как ты поймешь, что упускаешь право выиграть Игры. Так что предлагаю тебе вернуться туда, откуда ты выполз, и выпить еще... Ничего другого и не остается.

– Каталина, вы скоро? – голос коменданта прозвучал раздраженно.

– Ми...ноточку, – пропыхтела я, пристраивая еще одну стопку книг на довольно высокую и неустойчивую горку. Боги, как я умудрилась обрасти за полтора года таким количеством вещей?

И насколько у меня еще хватит резерва почти не спать по ночам?

Переживания о моих родных, самостоятельные занятия, злость и обида на тех, кто казался мне особенно близкими...

Сегодня, собирая вещи, я осознала, что смертельно устала. От всего.

Двое помощников коменданта общежития подхватили мои свертки – и да, за многими из них им еще придется вернуться, слава богам, меня хотя бы не заставили таскать все самой – а я уверенно двинулась под внимательными, местами насмешливыми, а местами сочувствующими взглядами моих бывших уже соседок.

Интересно, каким бы был мой взгляд, если бы это было не со мной?

Скорее всего, я бы просто не вышла из комнаты.

Нельзя сказать, что меня не волновали их взгляды. Волновала, да еще как.

Я привыкла к определенному обожанию. Уважению. Иногда даже страху. К тому, что мою форму чистят, что меня не касаются бытовые проблемы, а учебники возникают на моем столе сами собой.

Привыкла, что на меня заглядываются и мне завидуют.

Что моего расположения добиваются и мной гордятся.

Я привыкла к жизни дочери королевского советника, учебе в лучшей пятерке курса, зависти к невесте самого завидного холостяка академии...

И лишиться всего этого оказалось больно.

Впрочем, я бы все это променяла на то, чтобы мой брат оказался в безопасности, а родители – на свободе. Беда только в том, что мне не предоставляли подобного выбора. И приходилось жить... сразу со всем.

Теперь еще и в крохотной комнатке под крышей.

Здания общежитий когда-то давно были двумя близко стоящими особняками, принадлежавшими богатым родам. И все было здесь изначально под то и устроено – огромные помещения на первом этаже, внутри которых потом наставили перегородок. Самые удобные – хозяйские – покои на средних этажах. И помещения для слуг на верхних.

Сейчас там жили наименее родовитые студентки, к которым отнесли и меня.

Я с тоской осмотрела свою новую спальню – узкая кровать, крохотное оконце, небольшой угловой шкаф, который точно не вместит всех моих вещей, неудобный стол со сту-

лом. И ванна с туалетом в конце коридора.

За стеной раздался какой-то страшный звук. Я подскочила, встав в стойку...

Что-то булькнуло, пролилось...

С нервным смешком снова села на продавленную кровать. Надо же... никогда не думала о существовании труб в общезитии с этой точки зрения.

Улеглась навзничь и уставилась в потолок.

Держись, Эва-Каталина. Держись.

Но это оказалось не просто.

Теперь надо было вставать гораздо раньше – чтобы успеть привести себя в порядок в ледяной комнатухе с одним умывальником. Заплестись, глядя в крохотное зеркало. Притащить все книги в Академию. Подготовиться к занятиям и сделать все задания – что занимало времени гораздо больше, чем раньше, когда мы готовились в пятерке...

Изучить хоть что-то, чтобы было чем поразить старшекурсников на «отборе»...

Три дня прошло в суете и попытках совладать с новым расписанием.

Но я все еще держалась.

Не срывалась ни в некрасивую истерику, ни в громкий плач по поводу загубленной судьбы.

Не давила на жалость перед магистрами, несмотря на то, что результаты стали гораздо слабее.

Не поддавалась на нагловатые предложения и не искала

себе новой компании, пусть и испытывала потребность хоть в каком-то общении... но зависнув между тем, кем я была и тем, кем меня пытались сделать, я пока еще не понимала... что есть круг моего общения.

Не реагировала на уколы однокурсников – все больше недалеких девиц вроде Луисы – Эрики – и не бегала за ректором в надежде, что он может как-то повлиять на мое положение.

Хотя глухое раздражение на происходящее, страх, что все станет еще хуже, гаснущая надежда, что уничтожение моего рода – лишь дурацкая инсценировка по политическим причинам, крутило мне внутренности и гасило тот внутренний огонь, что я всегда чувствовала внутри себя. Сжимало осколками внутри до крохотного комка, который уже распирало от желания взорваться.

Я пряталась от этих ощущений и людей в самых тухлых углах. Часами сидела там со своими книгами и записями, не желая ни идти в библиотеку, ни возвращаться в свою комнату.

Вот и сегодня.

Сколько я просидела в одной из башен после окончания занятий? Наверное уже наступил вечер...

Вылезла из ниши, потянулась и тихонько начала спускаться по винтовой лестнице, закинув некрасивую котомку с учебниками на плечо. И замерла, потому что увидела Луису-Эрику.

Девушка меня не заметила. Она прошла почти подо мной по полутемному коридору, постоянно озираясь, да еще и без сопровождения своих подпевал. И выглядело это странно...

Блондиночка остановилась, прислушалась... и скрылась за углом.

И я остановилась тоже.

У меня бывало такое и раньше. Ощущение дурноты, накатывающее на мгновение, и тут же – полная боевая готовность организма...

На мгновение мне снова захотелось трусливо спрятаться от предчувствий и ощущений, вернуться в свою нишу или даже каморку на самом верху, остановить, наконец, череду неприятностей, сыпавшуюся на меня как из Завесы.

Но имела ли я право прятаться?

Глубоко вдохнула. И осторожно, но решительно двинулась вперед. А потом заглянула за угол.

Никого. Лишь едва слышный разговор в одном из помещений.

Я с трудом вспомнила, что здесь было – кажется что-то вроде небольшой гостиной, где иногда собирались для обсуждений и дебатов студенты. И зачем же так... красться в это место?

Хотя я не лучше.

Еще раз убедилась, что свидетелей моего глупого поведения не будет, приблизилась к двойной двери и провела ладонью над магическим замком, нащупав пересечение запора.

Я разобрала его с неслышным щелчком.

Голоса стали погромче, а в створках образовалась щель.
– ...ты сегодня такой отстраненный...

Это Луиса. И искреннее беспокойство в её голосе, подбострастное какое-то даже. Она может беспокоиться о ком-то?

– Не твое дело.

Замерла.

И этот голос я тоже знала.

Еще немного раздвинула створки и заглянула внутрь, прикусив щеки изнутри, чтобы не выдать себя удивленным возгласом.

Андре сидел в одном из глубоких кресел, а Луиса стола перед ним, нервно сжимая руки. Я даже не знала, что они знакомы лично, не говоря уже...

Хотя может и не слишком знакомы? Судя по её следующей фразе.

– Знаешь, я не привыкла бегать за парнями, но...

– Так и не бегай, – завеса, какой скучающий и брезгливый у него тон!

Таким я Хайме-Андреса не знала. Вальяжным, отстраненным и каким-то... злым?

Может наши отношения и не были завязаны исключительно на эмоциях, но... Нам было хорошо вместе. Он всегда был весел, спокоен, нежен и сдержан. Он искренне нравился мне, если не больше, и потому я отнеслась к его поступку –

и поступку его родителей – несмотря на всю «правильность» с точки зрения аристократии как к предательству.

А сейчас у меня возникло ощущение, что меня предают второй раз.

Даже не потому, что сцена становится все более двусмысленной. А потому что мои воспоминания о нем как-будто больше ничего не значили. Знала ли я этого парня?

– Ты все еще думаешь о ней?

Мой бывший жених подался вперед. И теперь я видела гордый профиль и искривленные губы. И даже отсюда чувствовала волну раздражения. А Луиса продолжала заламывать руки:

– Заставил всех не лезть к ней, ограждаешь от чего-то. Она никто уже... А я – я рядом. И я помогу забыть о ней.

– Да? – и уже плохо скрываемое его бешенство.

Сердце заколотилось как сумасшедшее.

Так вот почему меня не задирали в первые дни, будто забыв о моем существовании. Завеса, наверное мне следовало быть благодарной, но...

Следующая фраза блондиночки уничтожила любую благодарность:

– Да-а. Я могу многое. Многое! Не то что эта Снежная Королева. Она и в постели была так холодна? Ведь не зря ты регулярно навещался в дом развле...

– Заткнись.

А меня потрянуло.

Впрочем, от следующей сцены затрясло еще больше.

Потому что Андре с глумливой ухмылкой дернул блондиночку на себя, а потом надавил ладонями на плечи, заставляя опуститься перед ним на колени. И приказал, расстегивая штаны:

– Ну, давай, показывай, что ты там умеешь.

Я отступила.

Дальше мне не было необходимости видеть, я не была настолько наивна.

Сделала пару шагов назад, тихонько прикрыв дверь и... согнулась пополам, чувствуя подступившую к горлу кислоту и глубокое отвращение ко всему, что я сейчас увидела и узнала.

Дело ведь было не в том, что я не знакома с этой стороной жизни или считала её чем-то отвратительным. Выбор был за каждым. Среди аристократии не считалось обязательным выходить замуж невинными или кичиться этим – впрочем, как и собственным опытом.

И мама в достаточной степени обсудила со мной все интимные моменты, а также вовремя подсунула мне несколько книг. Да и сама я не раз становилась свидетельницей. Нет, не в том смысле, что присутствовала вот так... как сегодня. Но хватало и обсуждений, и намеков, и отголосков.

Проблема была в другом.

Когда я поняла, что не готова – еще не созрела пройти по

этому откровенному пути – и призналась в этом Андре, то была благодарная за его понимание. За то, что он меня под-держал и не пытался заставить тем или иным способом. Да, порой я ловила его взгляды, полные желания, порой и сама чувствовала... легкое восторженное возбуждение от его по-целуев, но мне казалось, он спокойно воспринимает отсут-ствие интимной стороны нашей жизни. И тоже наслаждается неким предвкушением.

Ага. Еще бы не спокойно воспринимал. Ему вполне хватало домов увеселений.

Я разогнулась так резко, что закружилась голова. Пошла, пошатываясь, вперед. И ввалилась в ближайшую туалетную комнату, где долго стояла, опустив руки в ледяную воду.

В зеркале отразилась бледная, чуть растрепанная девушка со впалыми щеками и потускневшими глазами... Это я?

Вот то, что я вижу? И видела ли я что-то до этого... пра-вильно, а не через зеркало?

На что я на самом деле смотрела все эти годы – на реаль-ность, в которой у меня была семья, верная королевству и его идеалам, друзья, жених, всеобщая любовь? Или на отра-жение, жившее всего лишь у меня в голове?

Вот уж и правда... Академия Иллюзий.

В которой мое зеркало, наконец, разбилось, изрезав душу на лоскуты...

Изнутри поднималось темное. Жаркое. Злое.
Жаждущее действий.

Жаждущее подогнать себя под новую реальность. В которой моя соперница сейчас ласкает моего бывшего жениха. В которой бывший жених изменял мне – и об этом знали все, кроме меня. В которой мои родители – в тюрьме, я – в самой неудобной комнате со злыми поющими трубами, а возможность учиться мне дал тот, кого я так старательно презирала и игнорировала предыдущий год...

Так может он даст и еще кое-что?

Например, свободу от прошлых решений?

И быстро двинулась по коридорам, сворачивая, если слышала чьи-то голоса.

Было уже темно, и я скользнула по краю площади незамеченной. А потом спокойно зашла в боковой вход мужского общежития – похоже, допуск, настроенный благодаря Хайме, все еще действовал...

Тем лучше.

Мне повезло – я никого не встретила на лестницах. И даже если бы встретила, не смутилась.

Решительно постучала в дверь Вальдерей – о да, я знала, где он живет, не зря ведь неоднократно бывала в этом здании...по совершенно невинным поводам – и только потом подумала, что он может быть не один.

Или его вовсе может не быть в комнате...

Но дверь распахнулась.

И никакого движения позади я не заметила.

Несколько секунд я смотрела на удивленного парня, оце-

ниваяюще глядя на его – ну конечно – взлохмаченные волосы, выпростанную белую рубашку и домашние брюки...

– Эва, что...

Но я уже впихнула его внутрь.

И одним движением захлопнула за собой дверь.

А потом поднялась на цыпочки, обвила руками шею и впиалась в его губы злым и обиженным поцелуем.

Его плечи стали каменными. А губы зачерствели и плотно сжались.

Я разозлилась еще сильнее, укусила его, вынуждая рыкнуть, и скользнула в горячий полуоткрывшийся рот языком.

Больше инициативу проявлять мне не дали...

На меня будто налетел шторм. Смял мои губы, как сминая рыбацкую лодчонку огромная волна, разметал по свету остатки самообладания, швырнул в самую темную глубину, из которой уже поднималось разрушительное нечто.

Все мои запреты и опасения лопнули, как сеть для огненных граней, потому что он оказался так близко... Запредельно близко.

Опасно. Жгуче.

Но шторм отступил так же быстро, как и начался. Меня отстранили, отодвинули.

Ничего, это временно.

Вальдерей шумно дышал и смотрел потемневшими, совершенно сумасшедшими глазами.

– Какой завесы ты творишь? – его голос сорвался, а я...

Встала так, чтобы ему было меня хорошо видно и первым делом молча сбросила плащ.

Даниель

Я смотрю на спящую Эву-Каталину и пытаюсь понять, как давно превратился в идиота?

Она лежит на боку, свернувшись в клубочек под покрывалом, и чуть хмурится во сне. Светлые волосы разметались по подушке, на щеках появился румянец, заметный даже в свете свечей, а из полуоткрытых губ – теперь я знал, насколько сладких – вырывается тихое дыхание.

И вот если бы я не был идиотом, то она лежала бы сейчас совершенно голая!

Хмыкнул и откинулся на спинку кресла.

Вина больше не хотелось. Читать – чем, собственно, я и занимался до её прихода – тоже.

Хотелось подмять под себя её тело, накрыть собой, снова впиться в губы и получить, наконец, то, что я должен был получить еще год назад.

Мой мозг подсказал мне в самых порочных и смачных подробностях, как это могло бы быть, но я лишь вздохнул.

Я знал, что это было бы... горячо. Пусть даже всего на раз, на два – но крышесносяще. Потому что в паху тяжелело от одного взгляда на нее, потому что от её поцелуев – всего лишь поцелуев! – меня вело так, как не вело от самых порочных ласк других девок. Потому что когда она скинула плащ и принялась расстегивать свое ученическое платье я полминуты, наверное, не мог ни сдвинуться с места, ни сделать что-либо. Только пожирал глазами обнажавшиеся сантиметр за сантиметром кусочки голой кожи, бешено бьющуюся жилку возле ключицы, которую мне захотелось облизать, ложбинку между грудей.

Я все еще помнил её пухлые, мягкие губы; сбитое дыхание; цепляющиеся за меня пальцы; льнувшее горячее и гибкое тело.

Было от чего зайти за грани.

Разум говорил мне, что я все сделал правильно, внутри взрывались самые разнообразные эмоции, но телу было плевать... Тело хотело взять то, что ему пообещали... И от чего я отказался. Хотя мог бы воспользоваться её состоянием и ей бы понравилось!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.